

**Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Южно-Уральский государственный университет» (НИУ)
Институт социально-гуманитарных наук
Факультет «Исторический»
Кафедра «Отечественной и зарубежной истории»**

УДК 94(470.55)«1939/1946»

ББК ТЗ(2Р-4Че)621

Работа проверена
Рецензент М. Н. Потемкина,
д.и.н., профессор,
МГТУ им. Г. И. Носова
_____ 2019 г.

Допустить к защите
Заведующий кафедрой д.и.н.,
доцент О. Ю. Никонова

_____ 2019 г.

**Польские граждане в Челябинской области в 1939–1946 гг.:
проблемы адаптации и репатриации**

ЮУрГУ- 46.04.01. 2019.058.ВКР

Руководитель МД магистра,
к.и.н., доцент
Ю. Ю. Хмелевская
_____ 2019 г.

Автор МД магистра,
Студент группы СГ-236
К. В. Дружинин
_____ 2019 г.

Нормоконтролер
к.и.н., доцент
С. А. Кривоногова
_____ 2019 г.

Челябинск – 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	3
ГЛАВА 1. Положение польских граждан в Челябинской области в 1939–1941 гг.....	22
1.1. Размещение польских граждан в Челябинской области в 1939 — начале 1942 г.	22
1.2. Проблемы адаптации польских граждан в 1940–1941 гг.....	30
ГЛАВА 2. Польские организации в Челябинской области в 1942–1946 гг. ...	34
2.1. Деятельность представительства посольства Польши в 1942 г.	34
2.2. Общественные и образовательные организации в 1943–1946 гг.....	37
2.3. Снабжение польских граждан в 1943–1946 гг.	45
2.4. Организация и деятельность мастерской Упрособторга в Челябинске	70
ГЛАВА 3. Оптация и репатриация польских граждан из Челябинской области	78
3.1. Организация оптации	78
3.2. Проблемы репатриации	85
Заключение	101
Список источников	104
Список литературы	108
Список сокращений	116

Введение

Актуальность работы.

В современных отношениях России и Польши существует немало взаимных стереотипов, которые не только транслируются в публичном пространстве, но и разделяются, в том числе, и академическими сообществами. Одним из таких стереотипов является акцентирование виктимности, связанное с тяжёлым опытом Польши во Второй мировой войне. В частности, безусловно драматичен опыт вынужденного пребывания значительной группы польских граждан в глубоком тылу Советского Союза. Однако рассмотрение жизни польских перемещённых лиц в СССР позволяет увидеть в них не столько пассивных жертв, сколько активных действующих лиц, которые, несмотря на свой иностранный статус, пользовались гораздо большими свободами и преимуществами и соответственно имели больший потенциал к консолидации, в том числе социально-политической, чем внутренние перемещённые лица, такие как советские немцы, спецпоселенцы или трудмобилизованные из Среднеазиатского военного округа.

При любом массовом перемещении вне зависимости от вызвавших его причин первостепенную важность приобретают насущные вопросы повседневности, такие как жильё, работа, снабжение и тому подобное. Однако эти вопросы часто остаются вне сферы внимания исследователей. Такой подход характерен и для изучения пребывания польских граждан в Советском Союзе, более 10 тысяч которых проживало в годы Второй мировой войны на территории Челябинской области.

Степень разработанности темы.

Отечественную историографию по теме можно вполне традиционно широко разделить на советскую (с середины 1950-х по конец 1980-х гг.) и современную (соответственно, с конца 1980-х по настоящее время).

Первым научным исследованием, широко обобщившим различные вопросы пребывания польских граждан в СССР, стала монография П. М. Калениченко «Польская прогрессивная эмиграция в СССР в годы Второй мировой войны», вышедшая в Киеве на украинском языке в 1957 году¹. В ней автор показал не только общую канву событий пребывания польских эмигрантов в СССР, но и деятельность Союза польских патриотов (далее — СПП), а также на архивных материалах рассмотрел в целом работу Упрособторга и Компольдета.

Следующим исследователем, который обратился к теме пребывания польских граждан в СССР, был Ш. Д. Пиримкулов. Он, в основном на материалах среднеазиатских республик СССР, рассмотрел различные аспекты пребывания польских граждан в СССР: деятельность СПП, работу польских детских учреждений, а также снабжение в системе Упрособторга². Итоги исследования были обобщены в докторской диссертации «Польское население в СССР. 1941–1946»³. Часть этого труда была издана отдельной книгой⁴. В постсоветский период научные работы автора выходят в основном на узбекском и польском языках и почти недоступны в России.

Кандидатская диссертация В. И. Сидорука «Пресса Союза польских патриотов в СССР (1943–1944 гг.)», защищённая в 1984 г. во Львове, практически не оставила следов в отечественной историографии⁵.

¹ Калениченко П. М. Польська прогресивна еміграція в СРСР в роки другої світової війни. — Київ: Видавництво Академії наук Української РСР, 1957. — 216 с.

² О последнем см.: Пиримкулов Ш. Д. Трудовая деятельность и социальное обеспечение польских эмигрантов в СССР в 1943—1946 годах // Советское славяноведение. — 1978. — № 2. — с. 88—97.

³ Пиримкулов Ш. Д. Польское население в СССР. 1941–1946 гг.: автореф. дисс. ... докт. ист. наук: 07.00.03. М., 1990. — 46 с.

⁴ Пиримкулов Ш. Д. Польские школы и детские учреждения в СССР (1941–1946 гг.). Ташкент: Изд-во «Фан» Узбекской ССР, 1990. — 164 с.

⁵ Сидорук В. И. Пресса Союза польских патриотов в СССР (1943–1944 г.): дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.10. Львов, 1984. — 208 с.

В исследованиях остальных советских авторов тема польских граждан в советском тылу затрагивается только косвенно⁶.

На современном этапе исторических исследований появляются работы как обобщающего, так и регионального характера, в которых авторы обращаются к новым темам, таким как переселения польских граждан, размещение в спецпосёлках и трудовое использование в 1940–1941 гг., деятельность польского посольства в 1941–1943 гг. и др.

Работы обобщающего характера немногочисленны. Так, в сборнике «Репрессии против поляков и польских граждан» исследуется высылка польских граждан с территории западных областей Украины и Белоруссии во внутренние районы СССР⁷. Рассмотрены категории выселяемых, хронология операций по выселению, особенности размещения и трудового использования на новых местах.

В. Н. Земсковым затронуты проблемы польских спецпоселенцев в СССР, выявлены регионы их проживания⁸. При этом административно высланные не вошли в его исследование, так как не считались спецпоселенцами и размещались не в спецпосёлках, а преимущественно в колхозах и совхозах.

⁶ Например: Парсаданова В. С. Советско-польские отношения в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. — М.: Наука, 1982. — 280 с.; Шишов Н. И. В борьбе с фашизмом 1941–1945 гг. (Интернациональная помощь СССР народам европейских стран). — М.: Мысль, 1984. — 270 с.

⁷ Репрессии против поляков и польских граждан / Науч.-информ. и просвет. центр "Мемориал"; Сост. Гурьянов А.Э., Редкол.: Рогинский А.Б. (пред.) и др. — М.: Звенья, 1997. — 240 с.

⁸ Земсков В. Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960 / В. Н. Земсков; Ин-т рос. истории. — М.: Наука, 2005. — 306 с.

С. А. Пискунов, занимающийся, в основном, темой аграрного переселения, в одной из своих статей затрагивает деятельность переселенческих органов по репатриации польских граждан в 1945–1946 гг.⁹.

Региональные исследования, рассматривающие пребывание польских граждан в отдельных местностях Советского Союза, часто появляются в тех областях и республиках, которые являлись основными местами высылки польских граждан в 1940–1941 гг. (Европейский Север, Урал).

Одной из значительных работ является диссертация М. Б. Рогачёва «Депортированные польские граждане в Коми АССР в 1940—1944 годах», упор в которой сделан на пребывании польских граждан на спецпоселении в 1940—1941 гг.¹⁰. Диссертация Т. Е. Васильченко посвящена, в основном, депортации польских граждан на Европейский Север¹¹. Архивист В. С. Жаравин в своих статьях касается различных аспектов истории польских граждан в Кировской области, в частности упоминает о деятельности уполномоченного Наркомторга К. Ф. Шишкиной¹².

⁹ Пискунов С. А. Возвращение на родину: Участие переселенческих органов РСФСР в репатриации польских и советских граждан в 1945–1946 гг. // Социум и власть. 2012. № 5. С. 109–113.

¹⁰ Рогачев М. Б. Депортированные польские граждане в Коми АССР в 1940-1944 годах: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. — Сыктывкар, 2005. — 204 с.

¹¹ Васильченко Т. Е. Польские граждане на Европейском Севере СССР: от депортации к амнистии и репатриации: 1939-1946 гг.: автореферат дис. ... кандидата исторических наук: 07.00.02. — М., 2013. — 25 с.

¹² Жаравин В. С. Представительство Польши в г. Кирове в годы Великой Отечественной войны [Электронный ресурс]. — Киров, 2008. URL: <http://gaspiko.ru/3202> (дата обращения: 31.03.2019).; Жаравин В. С. Трагедия польских евреев [Электронный ресурс]. — Киров, 2008. URL: <http://gaspiko.ru/3078> (дата обращения: 31.03.2019).; Жаравин В. С. Польские детские учреждения в Кировской области [Электронный ресурс]. — Киров, 2009. URL: <http://gaspiko.ru/3212> (дата обращения: 31.03.2019).; Жаравин В. С. Польская база в Кирове [Электронный ресурс] // «Позабыть нельзя»: Кировчане в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. (Хрестоматия). — Киров, 2010. URL: <http://voyna.gaspiko.ru/blog/13.html> (дата обращения: 31.03.2019).; Жаравин В. С. Поляки в Котельниче в годы Великой Отечественной войны [Электронный ресурс] // «Позабыть нельзя»: Кировчане в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. (Хрестоматия). — Киров, 2010. URL: <http://voyna.gaspiko.ru/blog/15.html> (дата обращения: 31.03.2019).; Жаравин В. С. Поляки в Опарино [Электронный ресурс] // «Позабыть нельзя»: Кировчане в Великой

Отдельные аспекты, связанные с польскими гражданами в Якутской АССР (депортация, деятельность польской школы) отражены в статьях С. И. Сивцевой и М. Э. Грязнухиной¹³. К. Н. Сануков на материалах архива УФСБ по Республике Марий Эл показывает историю польских граждан, в основном евреев-беженцев, в Марийской АССР в 1940–1946 гг.¹⁴. И. В. Крючков и А. С. Мухортов в статье «Польские граждане на территории Ставропольского края в 1939–1946 годах» на материалах архивного фонда Исполнительного комитета Ставропольского краевого Совета депутатов трудящихся рассмотрели итоги реэвакуации на территорию края польских граждан из северных регионов, а также относительно подробно — организацию оптации и отправки в Польшу при репатриации в 1945–1946 годах¹⁵.

Польские граждане на Урале также становились объектом изучения. В первую очередь необходимо отметить работу А. В. Чевардина «Поляки и польские граждане в Свердловской области в 1939–1948 гг.»¹⁶. В ней автором рассмотрены различные аспекты жизни польских граждан и деятельности польских организаций — представительства (делегатуры) польского посольства и областного правления СПП. Автором использованы материалы местных, российских и зарубежных архивов и получено большое количество

Отечественной войне 1941-1945 гг. (Хрестоматия). — Киров, 2010. URL: <http://voyna.gaspiko.ru/blog/16.html> (дата обращения: 31.03.2019).

¹³ Сивцева С. И. Депортация поляков в Якутию в 1940-е годы (некоторые аспекты) // Россия и Польша: Историко-культурные контакты (сибирский феномен): Материалы Международной научной конференции (24–25 июня 1999 г., Якутск). Новосибирск: Наука, 2001. С. 97–100; Грязнухина М. Э. Польская школа в Якутске (1942–1944 гг.) // Россия и Польша: Историко-культурные контакты (сибирский феномен): Материалы Международной научной конференции (24–25 июня 1999 г., Якутск). Новосибирск: Наука, 2001. С. 107–109.

¹⁴ Сануков К. Н. Поляки и польские граждане в Марийской АССР в 1930-1940-х годах // Запад-Восток. 2012. № 4-5. С. 38–47.

¹⁵ Крючков И. В., Мухортов А. С. Польские граждане на территории Ставропольского края в 1939–1946 годах // Славяноведение. 2010. № 3. С. 20–28.

¹⁶ Чевардин А. В. Поляки и польские граждане в Свердловской области в 1939–1948 гг. — Екатеринбург, 2010. — 224 с.

новых данных, однако вопросы снабжения польских граждан обойдены стороной.

Польские граждане в Удмуртской АССР начали интересоваться исследователей ещё в 1980-е гг. Такие вопросы, как численность польских граждан, деятельность Республиканского правления Союза польских патриотов, польский детский дом, репатриация польского населения из Удмуртии вкратце отражены в статьях Н. А. Родионова¹⁷. И. А. Ложкина занималась историей Каракулинского польского детского дома в Удмуртии в контексте изучения социальной защиты детей-сирот в годы Великой Отечественной войны¹⁸. Интересно, что 26 выпускников не стали репатриироваться после войны, хотя воспитанники были отправлены на родину в организованном порядке¹⁹.

¹⁷ Родионов Н. А. Интернационализм трудящихся Удмуртии в годы войны // Советская Удмуртия в годы Великой Отечественной войны : сборник статей / Науч.-исслед. ин-т при Совете Министров Удмурт. АССР; [редкол.: С. П. Зубарев (отв. ред.) и др.]. - Устинов: Науч.-исслед. ин-т при Совете Министров УАССР, 1985. – С. 162–164; Родионов Н. А. Ревэвакуация советских и иностранных граждан из Удмуртской АССР в 1943–1948 гг. // Новые исследования по истории Удмуртии: сборник статей / АН СССР, Урал. отд-ние, Удмурт. ин-т истории, языка и лит.; редкол.: А. В. Яковлев (отв. ред.), Н. А. Родионов, Л. Ф. Шкляева. - Ижевск: Удмурт. ин-т истории, яз. и лит. УрО РАН, 1991. – С. 200–202; Удмуртия в период Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.) / [К. И. Куликов и др. ; отв. ред.: Г. В. Мерзлякова, Н. А. Родионов] ; Рос. акад. наук. Урал. отд-ние, Удмурт. науч.-исслед. ин-т истории, яз. и лит. - Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1996. — С. 199–202; Родионов Н. А. Репатриация польских граждан из Удмуртии в сфере деятельности региональных и местных властей в 1920–40-е гг. / Н. А. Родионов // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: материалы VIII Всероссийской научной конференции, [г. Екатеринбург], 27–28 апреля 2007 г. — Екатеринбург: АМБ, 2007. — Т. 2. — С. 203–205.

¹⁸ Ложкина И. А. Польские и литовские дети в детских домах Удмуртии в годы Великой Отечественной войны // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2009. № 2. С. 156–162; Ложкина И. А. Социальная защита детей-сирот в годы Великой Отечественной войны: на материале детских домов и интернатов Удмуртской АССР: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Ложкина Ирина Александровна; [Место защиты: Удмурт. гос. ун-т].- Ижевск, 2010.- 240 с.

¹⁹ Ложкина И. А. Социальная защита... С. 80–81.

Отдельные сведения о пребывании польских граждан встречаются также в работах, выходящих в Уфе и Перми²⁰.

Вопросы пребывания польских граждан на Южном Урале затрагиваются в исследованиях Оренбургских историков А. В. Фёдоровой²¹, Н. Ю. Дьяконовой²², Ю. И. Шпинёвой и К. А. Моргунова. Так, Ю. И. Шпинёва упоминает польских граждан в Чкаловской, Челябинской и Курганской областях в контексте национальной государственной политики²³. К. А. Моргунов пишет, в частности, о деятельности Упрособторга в Чкаловской области и репатриации оттуда польских граждан²⁴.

Отдельные вопросы пребывания поляков на Урале и, в частности, в Челябинской области были затронуты в исследованиях историков нашей области М. Н. Потёмкиной, которая упоминает поляков в контексте национальных отношений и эвакуационных процессов²⁵, и Н. П. Палецких,

²⁰ См. напр.: Станковская Г. Ф. «В связи с отъездом на родину...»: Несколько документов из короткой истории «Союза польских патриотов» // Поляки Прикамья: сб. ст. / сост. В. Ф. Гладышев. Пермь: Пермское кн. изд-во, 2004. С. 57–63; Поляки в Пермском крае: Очерки истории и этнографии. — СПб.: Изд-во «Маматов», 2009. — 304 с.

²¹ Фёдорова А. В. Оренбург в годы Великой Отечественной войны. Оренбург: Оренб. кн. изд-во, 1995. — 211 с.

²² Дьяконова Н. Ю. Поляки в Чкаловской области (1939–1946) // Оренбуржье и Польша: проблемы истории и культуры. Оренбург: Печатный Дом «Димур», 1996. — С. 60–63.

²³ Шпинёва Ю. И. Осуществление национальной государственной политики на Южном Урале в годы Великой Отечественной войны (1941 - 1945 годы): Дис. на соиск. учен. степ. к. ист. н.: спец. 07.00.02. — Оренбург, 2004. — 258 с.

²⁴ Моргунов К. А. Поляки в Чкаловской области в годы Великой Отечественной войны // Народы Южного Урала на страже Родины. Материалы Второй Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 70-летию коренного перелома в Великой Отечественной войне (Сталинградской и Курской битв). — Оренбург: типография ФГБОУ ВПО «ОГИМ», 2013. С. 344–354.

²⁵ Потёмкина М. Н. Эвакуация и национальные отношения в советском тылу в годы Великой Отечественной войны (на материалах Урала) // Отечественная история. № 3. 2002.

которая впервые среди местных историков и на местном материале сообщила о существовании польского детского дома в годы войны²⁶.

М. Н. Потёмкина также на материалах Челябинской области вкратце описала процесс репатриации польских граждан. Но, несмотря на оговорку о наличии в источниках терминологической путаницы в понятиях «репатриация» и «резэвакуация», в статье некоторая путаница всё же сохраняется²⁷.

В похожем русле и с использованием таких же архивных данных, как и в России, происходит изучение истории польских граждан в Казахстане. Например, Б. О. Жангуттин в статье останавливается на деятельности польских школ и детских домов²⁸.

Польскую историографию также можно разделить на издания времён Польской Народной Республики (до конца 1980-х гг.) и современные (с конца 1980-х гг. по текущий момент).

В 1960-х—1980-х гг. к различным аспектам истории польских граждан в СССР обращались Э. Треля-Мазур²⁹, Т. Бугай, М. Мотас, Э. Басиньский, З. Кумось, Э. Сыдек, Ф. Збиневич, Я. Чернякевич³⁰.

²⁶ Палецких Н. П. Поляки на Урале в годы Великой Отечественной войны // К 50-летию Победы.— Челябинск, 1995. — с. 84—85.

²⁷ Потёмкина М. Н. Поляки в советском тылу в годы Великой Отечественной войны и их репатриация на родину // Россия — Польша: филологический и историко-культурный дискурс: сборник статей участников международной научной конференции. (Магнитогорск 18–19 ноября 2005 г.) Магнитогорск: МаГУ, 2005. — с. 115–119.

²⁸ Жангуттин Б. О. Из истории поляков в Казахстане: вторая половина 1940 годов XX в. // Вестник Казахского национального педагогического университета им. Абая. Серия «Исторические и социально-политические науки». 2009. № 1. С. 90–96.

²⁹ Treła E. Polskie placówki oświatowe i wychowawcze w Związku Radzieckim w latach 1943-1946: liczebność i rozmieszczenie. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1981; Idem, Edukacja dzieci polskich w Związku Radzieckim w latach 1941–1946. Warszawa: PWN, 1983.

³⁰ Czerniakiewicz J. Repatriacja ludności polskiej z ZSRR: 1944–1948 / J. Czerniakiewicz. – Warszawa: wyd. PWN, 1987.

С начала 1980-х гг. по настоящее время крупнейшим специалистом по истории СПП и смежным вопросам является Альбин Гловацкий. С конца 1980-х гг. сфера его интересов постепенно расширяется. В монографии 1994 года, основанной на предыдущих исследованиях, на материалах, в первую очередь, Союза польских патриотов им раскрыто множество вопросов: создание СПП и формирование региональной сети, отношение с советскими органами, деятельность польских учреждений, проведение реэвакуации и репатриации³¹. Ученики Гловацкого также продолжают эту тему³².

Из современных исследований заслуживает внимания также статья Анджея Корзона «Судьба даров с запада для поляков в СССР после разрыва польско-советских отношений в апреле 1943 года», в которой автор по документам СПП рассмотрел деятельность Упрособторга³³. Изучением поляков в Советском Союзе также занимаются Э. Росовская, С. Цесельский³⁴, Г. Йонкайтис-Люба и другие. Даниэль Боцьковский написал масштабную монографию «Время надежды: Граждане Республики Польша в СССР и опека над ними польских учреждений в 1940—1943 гг.», в которой на обширном материале показал районы расселения высланных польских граждан, историю формирования сети польских учреждений после возобновления дипломатических отношений между СССР и Польшей, а

³¹ Głowacki A. Ocalić i repatriować: Opieka nad ludnością polską w głębi terytorium ZSRR (1943—1946). — Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 1994. — 298 s.

³² Marat A. Śmierć na zsyłce // *My, Sybiracy*. — Nr. 17. — 2006. — s. 40—79.; Marciniak W. Procedura zmiany obywatelstwa polskich zesłańców w głębi Związku Radzieckiego w 1945 r. // *My, Sybiracy*. — Nr. 21. — 2010. — s. 7—21.; Kowalczyk E. Działalność Związku Patriotów Polskich na Wileńszczyźnie 1944—1946, Instytut Pamięi Narodowej, Oficyna Wydawnicza RYTM, Warszawa, 2010, 384 s.

³³ Korzon A. Losy darów z Zachodu dla Polaków w ZSRR po zerwaniu polsko-radzieckich stosunków dyplomatycznych w kwietniu 1943 r. // *Studia z Dziejów Rosji i Europy Środkowo-Wschodniej*. T. 33. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe Semper, 1998. — s. 117—130.

³⁴ Напр.: *Życie codzienne polskich zesłańców w ZSRR w latach 1940-1946*. Studia. / pod red. S. Ciesielskiego. — Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 1997.

также меры помощи этих учреждений бывшим польским гражданам³⁵. Его же перу принадлежит книга, посвящённая польским детям в СССР в годы Второй мировой войны³⁶.

Уже в 1940-х годах в Польше началось издание воспоминаний деятелей Союза польских патриотов, таких как Я. Броневская³⁷, Б. Дробнер, В. Михалевская, Э. Орловская. С конца 1980-х гг. воспоминания простых людей собирают в архивах центра «Карта» и Союза сибиряков. Часть из этих мемуаров издаётся потом в сборниках или отдельными книгами. Особенностью польской историографии является наличие довольно значительного числа исследований, основанных преимущественно или исключительно на текстах мемуаров³⁸. Собираются и устные рассказы о жизни в Советском Союзе³⁹.

При этом необходимо отметить, что исследования польских авторов, которые по многим темам часто гораздо полнее соответствующих отечественных, будучи изданными малыми тиражами в разных регионах Польши на польском языке, малодоступны отечественным исследователям.

Таким образом, в современных исследованиях некоторые аспекты, такие как проблемы адаптации и снабжения, способов сохранения и

³⁵ Boćkowski D. Czas nadziei: Obywatele Rzeczypospolitej Polskiej w ZSRR i opieka nad nimi placówek polskich w latach 1940—1943. — Warszawa: Wydawnictwo Neriton, 1999. — 500 s.

³⁶ Boćkowski D. Jak piskłeta z gniazd. Dzieci polskie w ZSRR w okresie II wojny światowej. Warszawa—Wrocław: Polskie Towarzystwo Ludoznawcze, 1995.

³⁷ Русское издание: Броневская Я. Записки военного корреспондента. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1956. 464 с.

³⁸ См. напр.: Machcewicz M. „Przecież jutro wyjedziemy do kraju, do Polski“. Życie codzienne polskich zesłańców na Syberii w latach 1940-1946 // Zesłaniec. — Nr. 62. — 2015. — S. 3–25; Zdybek O. Macierzyństwo i rodzicielstwo na syberyjskim zesłaniu // Zesłaniec. — Nr. 57. — 2013. — S. 41–58; Kość-Ryżko K. Doświadczenie wywózki i życia na zesłaniu w relacjach Polaków wywiezionych z Kresów w latach 1940-1941 // Studia BAS. — Nr. 2. — 2013. S. 25–49.

³⁹ См. напр.: Mrówczyńska I. Z Kowla przez Syberię na Dolny Śląsk... Dorastanie na zsyłce // Wrocławski Rocznik Historii Mówionej. — T. 3. — 2013. — S. 225–265.

поддержания ими польской идентичности почти не рассматриваются, а пребывание польских граждан в Челябинской области вообще не было хоть сколько-нибудь подробно раскрыто в исторической литературе.

Объектом исследования являются польские граждане, находящиеся в тыловых районах СССР. **Предметом исследования** стали процессы адаптации и репатриации польских граждан, оказавшихся в Челябинской области в 1939–1946 гг.

Цель работы: реконструировать практики органов советской власти по отношению к польским гражданам в Челябинской области во время Второй мировой войны, а также практики самих польских граждан, связанные с их адаптацией, поддержанием собственной идентичности и репатриацией.

Для достижения этой цели необходимо выполнить следующие **задачи:**

— выявить численность, особенности размещения польских граждан в Челябинской области, пути их появления на этой территории;

— рассмотреть процесс их адаптации к новой советской действительности в 1939–1941 гг.

— проанализировать деятельность польских организаций в Челябинской области (представительство польского посольства, областное правление СПП, Упрособторг, польские детские учреждения);

— изучить организацию оптации и репатриации из Челябинской области.

Хронологические рамки работы включают период с конца 1939 по июль 1946 года. На рубеже 1939 и 1940 годов в Челябинскую область прибывают первые эшелоны с бывшими польскими гражданами. В июле 1946 года ликвидируются польские учреждения, а Челябинск покидает последняя организованная партия польских граждан.

Территориальные рамки работы охватывают Челябинскую область.

Методологические основы исследования. Рассматриваемая тема включает в себя различные компоненты социополитического характера:

война как экстремальная ситуация, сопровождающаяся разными видами перемещения в пространстве (депортация, беженство, поиски заработка и другие) и попаданием в инокультурную (языковую, бытовую) среду. Исследование этой многомерности требует от историка междисциплинарного подхода.

Применялись историко-системный, историко-генетический, историко-сравнительный и институциональный методы. Историко-системный метод дал возможность рассмотреть структуру, функции и деятельность организаций, отвечающих за работу с польскими гражданами. Институциональный подход позволил изучить особенности формирования и функционирования различных организаций. Историко-генетический метод позволил рассмотреть динамику изменения положения польских граждан, и деятельность их организаций на территории Южного Урала

В парадигме истории повседневности рассматривался специфический повседневный опыт, поведение польских граждан и его мотивы в новой для них среде. Как представляется, с историей повседневности в данном случае сближаются методы миграционных исследований, рассматривающие мигрантов как агентов, которые не только подвергаются воздействиям внешних обстоятельств, но и сами влияют на эти обстоятельства.

При изучении путей появления польских граждан в Челябинской области использовался подход П. М. Поляна о разделении принудительных миграций на депортации и добровольно-вынужденные миграции, когда решение о переселении остаётся за гражданином⁴⁰.

Для рассмотрения структуры объекта изучения привлекалась теория социального действия Т. Парсонса⁴¹. По его определению, социетальное

⁴⁰ Полян П. М. Не по своей воле: История и география принудительных миграций в СССР / П. Полян. — М.: О.Г.И-Мемориал, 2001. 327 с.

⁴¹ Парсонс Т. Система современных обществ. М., 1998. 270 с.

сообщество представляет собой сложную систему дифференцированных коллективов и коллективных лояльностей и может быть этнически плюралистическим. Польские граждане в Челябинской области действительно представляли собой конгломерат этносов (поляки, евреи, украинцы, белорусы) с непростой системой взаимопересекающихся лояльностей разных коллективов и групп, но при этом обладавшие и некоторыми общими идентификационными признаками и способностью к самоорганизации. В этой связи уместно использовать также теорию Бенедикта Андерсона о нации как воображаемом сообществе⁴². На примере польских граждан в Челябинской области можно увидеть процессы актуализации польской национальной идентичности.

Источниковая база работы.

В работе используются различные типы исторических источников. Материалы органов государственной власти и управления представлены документацией Государственного комитета обороны СССР, электронные копии которой размещены в сети Интернет⁴³. Документы Представительства Посольства Республики Польша в городе Челябинске хранятся в Польском институте и музее имени генерала Сикорского в Лондоне и частично опубликованы в сети Интернет⁴⁴.

Основу исследования составила делопроизводственная документация местных органов управления. Например, в Объединённом государственном архиве Челябинской области фонд Р-1038 уполномоченного Наркомторга СССР по снабжению поляков, эвакуированных из западных областей Украины и Белоруссии в тыловые районы СССР (Упрособторга), содержит

⁴² Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Кучково поле, 2016. 416 с.

⁴³ Документы советской эпохи. URL: <http://sovdoc.rusarchives.ru> (дата обращения: 02.05.2019).

⁴⁴ Dokumenty Online. URL: <http://www.pism.co.uk/dokumenty.htm> (дата обращения: 02.05.2019).

делопроизводственную документацию уполномоченного, протоколы комиссий содействия, списки на выдачу благотворительных товаров, акты и пр. Эти документы сгруппированы по темам и датам, однако в целом слабо упорядочены и описаны. Анализ большого массива документов этого фонда позволил комплексно восстановить деятельность Упрособторга на этой территории. Рабочая документация областной специальной комиссии по репатриации и оптационные списки отложились в ранее секретной описи 20 фонда Р-274 Облисполкома. Эта документация позволяет проследить действия органов советской власти по оптации и организации и проведению репатриации.

Делопроизводственная документация общественных организаций тоже может быть весьма информативна. Так, документы из фонда Союза польских патриотов Архива новых и новейших актов в Варшаве позволяют рассмотреть деятельность Челябинского областного правления СПП.

Привлекались также документы промышленных предприятий, строительных организаций и учреждений культуры города Челябинска и Челябинской области.

В качестве отдельного типа источников можно выделить специализированную делопроизводственную документацию в виде следственных дел. Особенности их формирования, проявляющиеся как соавторство следователя и обвиняемого (следователя и свидетеля), а также известные случаи фальсификаций показаний и порой применявшиеся физические методы ведения следствия предполагают применение специальной методики проверки достоверности содержащейся там информации⁴⁵. Тем не менее, изученные в фонде Р-467 Управления Народного комиссариата внутренних дел по Челябинской области ОГАЧО

⁴⁵ Дюков А. Р. К вопросу о допустимости использования следственных показаний, полученных органами ОГПУ-НКВД // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2018. № 3 (47). С. 74–89.

следственные дела позволили улучшить представление о местах вербовки бывших польских граждан, их трудовом использовании и языковых компетенциях.

Таким образом, большая часть источников, используемых в работе, относится к неопубликованным, и многие из них до этого не вводились в научный оборот.

Следственные дела сближаются с источниками личного происхождения, которые имеют свою специфику. На субъективизм автора влияет время написания и опубликования мемуаров и господствующий дискурс. Это хорошо видно даже на примере нескольких воспоминаний о жизни в Челябинской области, которые удалось обнаружить. Исторический отдел главного правления СПП организовал в 1945 году конкурс на лучшие воспоминания о пребывании в СССР, первое место в котором занял польский рабочий Юзеф Бок. Автор в 1940–1945 жил в Златоусте и работал строителем в тресте Южтяжстрой, а в 1945 году был лектором СПП по Саткинскому району. Его записки «На Урале» неоднократно переиздавались в Польше⁴⁶. Воспоминания Хенрика Ружаньского вышли в Варшаве уже практически в переходный период в 1988 году⁴⁷. Остальные мемуары издавались в совсем других условиях: в 1990-е — 2010-е гг. в Швеции, Австралии и США.

Еще в 1940-х гг. появлялись отдельные публицистические статьи, посвящённые пребыванию польских граждан в СССР. В них на основе итоговых докладов и обобщений советских органов и Союза польских патриотов приводятся отдельные факты и обобщающие данные, посвящённые некоторым сторонам жизни польских граждан⁴⁸.

⁴⁶ Bok J. Na Uralu: Pamiętnik robotnika polskiego w ZSRR 1940–1945. — Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1950. — 136 s.

⁴⁷ Różański H. Śladem wspomnień i dokumentów (1943–1948). Warszawa: PWN, 1988. — 560 s.

⁴⁸ См., например: Василевская В. Деятельность Союза польских патриотов в СССР // Славяне. — 1943. — №11. — с. 26–27.; Вольпе Г. Библиотечка Союза польских патриотов в

В качестве дополнения было привлечено несколько документов, опубликованных в различных сборниках. Например, в 1961 году в Варшаве вышло небольшое издание документов и материалов, посвящённых польским школам в Советском Союзе в 1943–1947 гг.⁴⁹.

Крупнейшим изданием документов по истории связей двух стран являются «Документы и материалы по истории советско-польских отношений» — многотомный плод сотрудничества советских и польских историков, вышедший в СССР на русском, а в Польше на польском языке. Тома восьмой и девятый описывают период 1944–1949 гг., в том числе деятельность СПП и Компольдета, при этом документы Упрособторга в этот сборник не вошли⁵⁰.

В эти же годы вышел сборник документов «Советский Союз — Народная Польша. Документы и материалы», в котором среди прочего опубликовано Соглашение между Правительством Белорусской ССР и ПКНО об эвакуации белорусского населения с территории Польши и польских граждан с территории БССР⁵¹.

В 1994 г. в Киеве И. Г. Билас выпустил двухтомник «Репрессивно-карательная система в Украине. 1917—1953: Общественно-политический и историко правовой анализ», второй том которого представляет собой

СССР // Славяне. — 1944. — №3. — с. 48.; Вольпе Г. Польские учебники в СССР // Славяне. — 1944. — №7. — с. 30–31.; Юшкевич А. Два года деятельности Союза польских патриотов в СССР // Славяне. — 1945. — №6. — с. 34–36.; Польские дети возвращаются на родину // Славяне. — 1946. — №2–3. — с. 48.; Торжественный вечер в Москве, посвящённый завершению деятельности Союза польских патриотов в СССР // Славяне. — 1946. — №8–9. — с. 44–45.

⁴⁹ Szkolnictwo polskie w ZSRR (1943 – 1947). Dokumenty i materiały. Warszawa, Państwowe Zakłady Wydawnictw Szkolnych, 1961. — 379 s.

⁵⁰ Документы и материалы по истории советско-польских отношений. — т. 8. — М.: Наука, 1974. — 680 с.; Документы и материалы по истории советско-польских отношений. — т. 9. — М.: Наука, 1976. — 520 с.

⁵¹ Советский Союз — Народная Польша (1944–1974): Документы и материалы / Министерство иностранных дел СССР ; Министерство иностранных дел ПНР ; Ред. кол. : Н. Н. Родионов, С. Трепчинский (рук.) и др. М.: Политиздат, 1974. — 664 с.

подборку документов, в том числе касающихся высылки бывших польских граждан с Западной Украины и их расселения во внутренних районах СССР⁵².

В 2001 году вышел сборник документов «Катынь. Март 1940 г. — сентябрь 2000 г.: Расстрел. Судьбы живых. Эхо Катыни», содержащий «Справку по учету бывших польских граждан» с данными о размещении польских перемещенных лиц по республикам и областям Советского Союза, и другие документы⁵³.

Особую ценность для изучения темы представляют Фонды уполномоченных Наркомторга, проливающие свет на организацию производства, быта, снабжения и других насущных проблем пребывания польских граждан в советском тылу. Из этих документов лишь небольшая часть была опубликована в Барнауле и Оренбурге⁵⁴. Отдельные упоминания о польских гражданах встречаются также в других региональных сборниках документов, относящихся к периоду Второй мировой войны⁵⁵.

Структура работы.

Работа состоит из введения, трёх глав, заключения, списков источников, литературы и сокращений. В первой главе представлены пути появления польских граждан в Челябинской области, рассмотрены проблемы их адаптации в 1939–1941 гг. Вторая глава посвящена деятельности польских

⁵² Білас І. Г. Репресивно-каральна система в Україні. 1917—1953: Суспільно-політичний та історико-правовий аналіз. Кн. 2. Київ: Либідь — Військо України, 1994. — 688 с.

⁵³ Катынь. Март 1940 г. — сентябрь 2000 г.: Расстрел. Судьбы живых. Эхо Катыни. Документы / Редкол.: Козлов В.П. (пред.), Лебедева Н.С. (отв. сост.) и др. (Рос. редкол.), Наленч Д. (пред.) и др. (Пол. редкол.); Сост.: Лебедева Н.С. и др. [Россия], Вошинский Б. и др. [Польша].. — М.: Весь мир, 2001. — 688 с.

⁵⁴ Судьбы: Воспоминания, дневники, письма, стихи, материалы экспедиций, доклады, протоколы допросов. — Барнаул: «Пикет», 2001. — 488 с.; Место эвакуации — Чкаловская область / Под общей реакцией С. М. Муромцевой. — Оренбург: Печатный дом «Димур», 2010. — 312 с.

⁵⁵ См. напр.: Южное Зауралье в годы войны: история в документах. 1941—1945 (под ред. В. М. Ломакина). Курган: Зауралье, 2005. С. 106, 130–132.

организаций в 1942–1946 гг. В третьей главе рассмотрены процессы оптации и репатриации польских граждан из Челябинской области.

Апробация результатов исследования.

Основные положения и выводы работы апробированы на 9 международных и региональных научных конференциях. По теме исследования автором опубликованы следующие работы:

Дружинин К. В. Польские граждане в Челябинской области и их снабжение через систему Упрособторга в 1944–1946 гг. // Гороховские чтения: материалы третьей региональной музейной конференции / сост., науч. ред. Н. А. Антипин.– Челябинск, 2012. — С. 92–102.

Дружинин К. В. Бывшие польские граждане в Златоусте в 1940–1946 гг. // Золотые россыпи былого. Сборник материалов краеведческой конференции / сост. Т. В. Шадрина. — Златоуст, 2013. — С. 78–80.

Дружинин К. В. Мастерская Упрособторга в Челябинске в 1945–1946 гг. // Архивы и история Южного Урала: Материалы Пятых историко-архивных чтений памяти Н. М. Чернавского, посвящённых 95-летию архивной службы России / гл. ред.: А. П. Финадеев; авт.-сост. Г. Н. Кибиткина, Е. Б. Рохацевич. — Челябинск: Каменный пояс, 2013. С. 59–62.

Дружинин К. В. Репатриация польских граждан из Челябинской области в 1946 году // Гороховские чтения: материалы четвертой региональной музейной конференции / сост., науч. ред. Н. А. Антипин.– Челябинск, 2013. — С. 297–305.

Дружинин К. В. Бывшие польские граждане в Златоусте в 1942–1943 гг. глазами представительства польского посольства // Золотые россыпи былого. Сборник материалов краеведческой конференции / сост. А. Н. Малахова. — Златоуст, 2014. — С. 172–175.

Дружинин К. В. Деятельность уполномоченного Упрособторга в Челябинске по снабжению польских граждан Свердловской, Курганской, Кустанайской областей и Башкирской АССР в 1944–1946 гг. // Поляки в

истории и культуре Урала: Материалы Международной научно-практической конференции (г. Пермь, 25–27 сентября 2012 г.) ред. кол.: А. В. Черных (сост., отв. ред.), М. В. Старцева, Л. А. Обухов; Перм. гос. гуманитар.-пед. ун-т. — Пермь: Форвард-С, 2014. — С. 213–218.

ГЛАВА 1. Положение польских граждан в Челябинской области в 1939–1941 гг.

1.1. Размещение польских граждан в Челябинской области в 1939 — начале 1942 г.

17 сентября 1939 г. Красная Армия перешла границу, установленную по Рижскому договору между СССР и Польшей. Классовые и национальные конфликты, тлевшие и разгоравшиеся во второй Польской Республике, вспыхнули с новой силой. Одновременно массы беженцев, спасаясь от немецкого наступления, стремились на восток.

В ноябре Верховный Совет СССР принял просьбы Народных Собраний Западной Украины и Западной Белоруссии и включил их в состав УССР и БССР соответственно. 13 миллионов бывших польских граждан стали новыми гражданами Советского Союза.

На присоединённых территориях отсутствовала крупная промышленность, а мелкие предприятия не способны были обеспечить работой всех желающих. Наплыв беженцев из зоны немецкой оккупации усугубил ситуацию⁵⁶. Для ликвидации безработицы вводились в строй ранее закрытые и простаивающие предприятия, расширялись производственные мощности на работающих, но и этого было недостаточно. Тогда организации Советского Союза развернули вербовку рабочей силы в те регионы, где не хватало рабочих рук: на шахты Донбасса, заводы и стройки Урала.

Согласно приказу наркома Чёрной металлургии СССР № 116с от 9 декабря 1939 г. подчинённые ему управления, тресты и предприятия должны были принять, разместить и направить на работу 5 000 семей

⁵⁶ О сложном положении беженцев и оказываемой им помощи см.: Woćkowski D. Losy żydowskich uchodźców z centralnej i zachodniej Polski (bieżeńców) przebywających na terenie obwodu Białostockiego w latach 1939—1941 // Studia Podlaskie. T. XVI. — Białystok: Wydawnictwo Uniwersytetu w Białymstoku, 2006. — S. 85—124.

беженцев. В соответствии с разрядкой, Синарский труболитейный завод в Каменск-Уральском должен был принять 80 семей, Златоустовский металлургический — 20, Магнитогорский комбинат — 200, Миньярский металлургический — 50, завод «Магнезит» — 100 и Бакальское рудоуправление — 150. Крупнейшие потребители рабочей силы, в том числе Магнитогорский комбинат, завод «Магнезит» и Бакальское рудоуправление обязывались командировать по одному представителю для сопровождения беженцев и проведения среди них массово-политической работы. На предприятия возлагалась ответственность за размещение по жилищам, организацию питания и бытовое обслуживание беженцев⁵⁷.

Реальное количество приехавших рабочих могло отличаться от этих плановых цифр. Так, на Магнитогорский металлургический комбинат имени Сталина в организованном порядке прибыло 310 человек⁵⁸. В Златоуст в конце 1939 г. из Западной Белоруссии было завербовано несколько сотен человек на Металлургический завод, завод № 54 и Уралспецстрой. По данным горно, только неграмотных среди них было 430 человек⁵⁹. В Сатке завербованные работали не только на заводе «Магнезит», но и на Саткинском металлургическом заводе⁶⁰.

Разрядка существовала и по Народному комиссариату строительства. В декабре 1939 г. и январе 1940 г. из Западной Белоруссии в Магнитострой (Магнитогорск) должно было прибыть 2 000 человек, в Трест № 22 (Челябинск) — 550, в Челябинскпромстрой (Челябинск) — 200, в Уралалюминстрой (Каменск-Уральский) — 200⁶¹. Но эти планы постоянно

⁵⁷ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 3. Д. 154. Л. 113–119.

⁵⁸ МА. Ф. 99. Оп. 10. Д. 344. Л. 46.

⁵⁹ ОГАЧО. Ф. Р-1000. Оп. 1. Д. 673. Л. 31.

⁶⁰ ОГАЧО. Ф. П-319. Оп. 16. Д. 3. Л. 73—74.

⁶¹ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 3. Д. 154. Л. 121.

подвергались корректировке. Так, 24 декабря 1939 года выехала партия рабочих в количестве 500 человек для работы на строительстве Челябинской ТЭЦ. Однако во время их пути по распоряжению Главэнергостроя они были перенаправлены на Донбасс⁶².

Вербовка в трест «Магнитострой» проводилась ещё в середине 1940 года, в частности в городах Барановичи и Белосток, и охватывала не только беженцев, но и крестьян соседних деревень⁶³.

Всего в трест «Магнитострой» из Западной Украины и Западной Белоруссии было завербовано 3 995 человек. В связи с тем, что многие из них не могли работать на стройке (несовершеннолетние, старики, больные, беременные, матери с детьми и т. п.), на работу было направлено 3 131 человек. Однако и в дальнейшем отсев продолжался, главным образом, по причине болезней и физической слабости, и к 1 января 1941 г. из них на стройке осталось 1355 человек⁶⁴.

По данным Челябинского областного управления НКВД, в Магнитогорск прибыло 4 100 беженцев, в Златоуст — 456, в Каменский район — 490, и в Еткульский — 326⁶⁵.

Беженцы направлялись также в различные совхозы по всей Челябинской области от 3 до 25 семей в один совхоз, всего 442 семьи⁶⁶. 25 семей (71 человек) размещены на разных заводах Челябинского спиртротреста Наркомата пищевой промышленности СССР, в т. ч. на Курганском, Шадринском, Тюбукском и Щербаковском⁶⁷.

⁶² ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 3. Д. 506. Л. 322.

⁶³ ОГАЧО. Ф. Р-467. Оп. 3. Д. 3969. Л. 45 об.; Там же. Оп. 4. Д. 2731. Л. 20 об.

⁶⁴ ОГАЧО. Ф. П-234. Оп. 14. Д. 6. Л. 80 об. — 81.

⁶⁵ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 3. Д. 506. Л. 13.

⁶⁶ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 3. Д. 497. Л. 1–7.

⁶⁷ Там же. Л. 33–34 об.

В январе 1940 г. в Саткинский Леспромхоз прибыли для постоянной работы беженцы в количестве 29 семей (109 человек). Однако из-за того что большая их часть ранее не занималась физическим трудом, они не могли выполнять нормы на работах по лесозаготовке, вывозке и углежжению. Для того чтобы дать им возможность прокормить себя, решением бюро обкома их передали для работы в промышленные артели г. Сатки⁶⁸. В Кусинском районе в 1940 г. проживало более 60 семей беженцев, которые работали в леспромхозе и на чугунолитейном заводе⁶⁹.

В конце 1939-го и в 1940 году в трест «Челябуголь» в Копейск из Западной Украины и Западной Белоруссии прибыло 1 935 человек в порядке организованного набора⁷⁰. На 20 апреля 1940 г. из них двумя эшелонами прибыло 717 человек. Из этого количества 62 человека переведено в другие организации, а 213 ушли самовольно⁷¹. Кроме того по состоянию на 23 апреля 1940 г. в Челябинское управление строительства новых шахт (город Копейск) прибыло 685 человек, из которых сбежало 185⁷². Всего для строительства новых шахт в 1940 году из Западной Белоруссии должно было прибыть 1 700 человек⁷³.

Этнический состав прибывших рабочих был разнообразным, и не всегда источники позволяют оценить их соотношение. Однако, например, из 175 рабочих из Западной Белоруссии на шахтах № 42 и 42-бис было 50% белорусов, 45% евреев и около 5% поляков⁷⁴.

⁶⁸ Там же. Л. 27–28.

⁶⁹ Там же. Л. 45–46.

⁷⁰ Там же. Л. 77.

⁷¹ Там же. Ф. П-113. Оп. 1. Д. 670. Л. 2.

⁷² Там же. Л. 1.

⁷³ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 3. Д. 506. Л. 254.

⁷⁴ Там же. Ф. П-113. Оп. 1. Д. 670. Л. 9.

В 1939 году в Челябинск для работы на ЧТЗ по линии МОПРа прибывали политэмигранты — бывшие участники гражданской войны в Испании. В национальном отношении это были, в основном, немцы, чехи и испанцы. Однако были выходцы и из других стран, в том числе два поляка: Иосиф Урбас и Павел Журек⁷⁵.

На первом этапе отдельную категорию мигрантов составляли депортированные. В 1940–1941 гг. было проведено несколько акций по высылке отдельных категорий лиц из западных областей Украины и Белоруссии в тыловые районы СССР. Среди них были:

- спецпереселенцы-осадники (бывшие солдаты советско-польской войны, получавшие землю на восточных окраинах Польши) и приравненные к ним лесники;
- спецпереселенцы-беженцы (прибывшие на территорию западных областей Украины и Белоруссии и подавшие заявление на переезд в зону германской оккупации, но не принятые немецкой стороной, в основном, из-за еврейской национальности);
- административно-высланные (члены семей офицеров, жандармов, тюремщиков и т.д.).

Первые две категории расселялись в спецпосёлках НКВД (отдельно друг от друга) и трудоустраивались, в основном, в лесной промышленности⁷⁶. Третья категория расселялась преимущественно в Северном Казахстане в колхозах и совхозах, т.е. вне спецпосёлков.

⁷⁵ Там же. Ф. П-952. Оп. 1. Д. 60. Л. 38. Там же. Д. 87. Л. 18–19 об.

⁷⁶ Земсков В. Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930—1960 / В. Н. Земсков; Ин-т рос. истории. — М.: Наука, 2005. — с. 87—88.

По разным оценкам всего, включая различные категории, в том числе не названные выше (арестованные, осужденные, военнопленные и т.д.), было выслано в другие районы СССР 309–385 тыс. человек⁷⁷.

В Челябинской области на 31 октября 1940 г. находилось 2 212 спецпоселенцев, из них 1 669 осадников и 543 беженца⁷⁸. На 1 апреля 1941 г. было 2 172 спецпоселенца, из них 1 653 осадника и 519 беженцев⁷⁹. Среди осадников 84 % составляли поляки, 1 % украинцы, 15 % белорусы, евреев-осадников в СССР не числилось нигде. В свою очередь, среди беженцев было 15 % поляков, 84 % евреев, 1 % приходился на немцев и другие национальности⁸⁰.

Осадники проживали в двух спецпосёлках и работали в Карабашском рудоуправлении, беженцы жили в одном спецпосёлке в Копейске и работали в тресте Челябинголь и Уралжилстройконторе⁸¹. К августу 1941 года их оставалось 324 семьи (1 662 человека) осадников и 169 семей (510 человек) беженцев⁸².

⁷⁷ 380—385 тыс. чел. по данным Земскова: Земсков В. Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930—1960 / В. Н. Земсков; Ин-т рос. истории. — М.: Наука, 2005. — с. 91.; 309—325 тыс. чел. по данным Гурьянова: Гурьянов А. Э. Польские спецпереселенцы в СССР в 1940—1941 гг. // Репрессии против поляков и польских граждан / Науч.-информ. и просвет. центр "Мемориал"; Сост. Гурьянов А.Э., Редкол.: Рогинский А.Б. (пред.) и др. — М.: Звенья, 1997. — 240 с.

⁷⁸ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 3. Д. 506. Л. 13.

⁷⁹ Земсков В. Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930—1960 / В. Н. Земсков; Ин-т рос. истории. — М.: Наука, 2005. — с. 85.

⁸⁰ Білас І. Г. Репресивно-каральна система в Україні. 1917—1953: Суспільно-політичний та історико-правовий аналіз. Кн. 2. Київ: Либідь — Військо України, 1994. — с. 200.

⁸¹ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 3. Д. 506. Л. 13; Чевардин А. В. Польская ссылка в Свердловской области в 1940 – 1941 гг. [Текст] / А. В. Чевардин // Документ. Архив. История. Современность. – Екатеринбург: УрГУ, 2006. – С. 87, 91—92; Woćkowski D. Czas nadziei: Obywatele Rzeczypospolitej Polskiej w ZSRR i opieka nad nimi placówek polskich w latach 1940—1943. — Warszawa: Wydawnictwo Neriton, 1999. — s. 119

⁸² Білас І. Г. Репресивно-каральна система в Україні. 1917—1953: Суспільно-політичний та історико-правовий аналіз. Кн. 2. Київ: Либідь — Військо України, 1994. — с. 198.

Однако уже 12 августа 1941 года указом Президиума Верховного Совета СССР была предоставлена амнистия всем польским гражданам: осуждённым, находящимся под следствием, в спецпосёлках, в местах высылки и т.п. Освобождённым разрешалось свободное проживание на территории СССР, за исключением пограничных районов, запретных зон, местностей, объявленных на военном положении, и режимных городов первой и второй категории⁸³.

Количество бывших польских граждан на Урале возросло с началом Великой Отечественной войны. Из-за быстрого продвижения немецких войск на восток эвакуация предприятий из западных областей Украины и Белоруссии была практически сорвана⁸⁴, но люди выезжали организованным порядком и самостоятельно⁸⁵. На Урал прибывали эвакуированные бывшие польские граждане и из других местностей Советского Союза⁸⁶.

Ещё в 1940 году начался призыв уроженцев западных областей Украины и Белоруссии в Красную Армию. С началом войны, однако, часть т. н. «западников» была переведена в трудовую армию. Так, согласно Постановлению Государственного комитета обороны № 170сс от 16 июля 1941 г. 35 тысяч человек было передано Наркомстрою⁸⁷. Вновь призываемые через военкоматы также, в основном, направлялись на работу в тыловые районы.

⁸³ Катынь. Март 1940 г. — сентябрь 2000 г.: Расстрел. Судьбы живых. Эхо Катыни. Документы / Редкол.: Козлов В.П. (пред.), Лебедева Н.С. (отв. сост.) и др. (Рос. редкол.), Наленч Д. (пред.) и др. (Пол. редкол.); Сост.: Лебедева Н.С. и др. [Россия], Вошинский Б. и др. [Польша].. — М.: Весь мир, 2001. — с. 364–367.

⁸⁴ См. напр.: Куманёв Г. А. Война и эвакуация в СССР. 1941–1942 годы // Новая и новейшая история. 2006. № 6. С. 7–27.

⁸⁵ См. напр.: ОГАЧО. Ф. П-234. Оп. 18. Д. 71. Л. 92–92 об.

⁸⁶ См. напр.: ОГАЧО. Ф. Р-467. Оп. 3. Д. 9282. Л. 11 об.

⁸⁷ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 3. Л. 97; Там же. Оп. 2. Д. 5. Л. 142–144.

Уже на 1 июля 1941 г. в Челябинской области было 18 строительных батальонов: в Челябинске, Каменске-Уральском, Магнитогорске, Златоусте, Миассе и Чебаркуле, и они продолжали формироваться⁸⁸. Строительный батальон № 736 Особой строительной-монтажной части (ОСМЧ) № 8 был сформирован в Западной Белоруссии⁸⁹. Возможно, вернее будет сказать, что 736 батальон состоял из жителей западных областей Украины и Белоруссии, в начале сентября он ещё продолжал формироваться в Челябинске⁹⁰.

Шесть из 11 коммунистов, мобилизованных в 769 ОСБ, располагавшийся в Магнитогорске, прибыли из западных областей Украины⁹¹.

Челябинское Представительство польского посольства в начале марта 1942 г. оценивало число своих граждан в Челябинской области в строительных рабочих колоннах, как к тому времени назывались стройбатальоны, в 10 тысяч человек⁹². Общая численность бойцов стройколонн в области составляла к лету, по некоторым данным, до 170 000 человек. Однако уже весной 1942 г. бойцов стройколонн перевели на положение, общее со всеми строителями, часть людей передано в Красную Армию, больные освобождены, а оставшиеся мобилизованы на работу в промышленности — большая часть колонн просто передавалась в ОСМЧ и напрямую заводам⁹³.

⁸⁸ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 4. Д. 322. Л. 4, 10. Чевардин, А.В. Уроженцы западных областей УССР и БССР в составе строительных батальонов на Урале в годы Великой Отечественной войны [Текст] / А. В. Чевардин // Вестник Челябинского государственного университета. История. – 2009. – Вып. 32, № 16 (154). – С. 74 – 76.

⁸⁹ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 4. Д. 322. Л. 24–25.

⁹⁰ ААН. ZPP. Sygn. 215. S. 64–64 zwrot.

⁹¹ ОГАЧО. П-234. Оп. 15. Д. 62. Л. 93.

⁹² IPMS. Sygn. A.7.307/9a. S. 5, 11.

⁹³ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 6. Д. 333. Л. 29; Там же. Ф. Р-1535. Оп. 1. Д. 59. Л. 33–36. Гончаров Г. А. Строительные организации Уральского региона в условиях военного

Таким образом, общее число польских граждан в Челябинской области в конце 1940 года могло составлять около 14,5 тысяч человек.

Во второй половине 1941 года в связи с мобилизацией западников в строительные батальоны численность польских граждан увеличилась и могла по самым грубым подсчётам составлять до 18 тысяч человек. В дальнейшем это число существенно сокращается.

1.2. Проблемы адаптации польских граждан в 1940–1941 гг.

Бывшие польские граждане получали советские паспорта с параграфом 11 или 38, который не позволял проживать в крупных городах и стокилометровой приграничной зоне. Примечательно, однако, что бывшие политические заключённые считались менее подозрительными. После регистрации в Центральном комитете МОПРа они могли получить паспорт без параграфа⁹⁴.

Коммунистическая партия обращала внимание на политическое воспитание новых граждан. В некоторых организациях, как например, в тресте «Челябуголь» специально содержался штат политработников для ведения среди них политико-массовой работы⁹⁵.

При подготовке к празднованию годовщины Великой Октябрьской социалистической революции в 1940 г. в Копейском райкоме партии постановили «особое внимание обратить на проведение массовой работы с вновь прибывшими рабочими из Западной Белоруссии, Западной Украины,

времени (1941—1945 годы) // Вестник Челябинского государственного университета. История. 2012. Вып. 50, № 11 (256). С. 52–53.

⁹⁴ Róžański H. Śladem wspomnień i dokumentów (1943–1948). W.: PWN, 1988. S. 52; ОГАЧО. Ф. П-952. Оп. 1. Д. 86. Л. 38, 48, 73; Там же. Д. 102. Л. 32; Там же. П-234. Оп. 14. Д. 17. Л. 10, 13, 14, 16.

⁹⁵ ОГАЧО. Ф. П-113. Оп. 1. Д. 670. Л. 2 об.

из Бессарабии и Северной Буковины, разъяснив им, что дала Октябрьская Социалистическая революция трудящимся массам Советского Союза»⁹⁶.

Партком строительного треста № 22 и Челябинский горком ВКП(б) назначил агитаторов в каждый барак с мигрантами из Польши, однако это распределение осталось, во многом, только на бумаге. Тех же коммунистов, которые всё же приходили проводить беседы, заваливали жалобами бытового и производственного характера, с которыми те ничего не могли поделать⁹⁷.

В Копейске политрук общежития № 17 вместо работы занялся скупкой вещей у польских граждан и последующей их перепродажей. Характерно, что райком не поддержал решение первичной парторганизации об исключении его за это из кандидатов в члены партии⁹⁸.

Административно-технический персонал часто плохо относился к работающим у них мигрантам, не было производственного инструктажа, рабочих не разделяли по бригадам, переводили с одной работы на другую, имелись случаи обсчётов⁹⁹.

Ухудшение снабжения хлебом, вызванное советско-финской войной, наложившись на попытки организации отдельного снабжения бывших польских граждан, даже приводило к конфликтам между ними и местным населением. Дело в том, что в некоторых случаях для переселенцев открывали отдельные магазины и столовые¹⁰⁰. Но такая забота о них вызывала недовольство местного населения: «Самим не хватает хлеба, а тут пригнали ещё каких-то белорусов и снабжают их отдельно», «...большевики ведут какую тонкую политику, сейчас дают всё для рабочих Западной

⁹⁶ ОГАЧО. Ф. П-113. Оп. 1. Д. 597-д. Л. 39–40.

⁹⁷ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 3. Д. 506. Л. 430, 434.

⁹⁸ ОГАЧО. Ф. П-113. Оп. 1. Д. 597-б. Л. 48.

⁹⁹ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 3. Д. 506. Л. 16, 428.

¹⁰⁰ См. напр.: ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 3. Д. 497. Л. 105; Там же. Ф. П-113. Оп. 1. Д. 670. Л. 8 об. — 9.

Украины и Белоруссии, но это только сейчас, а потом они так же будут голодовать, как голодуют и у нас...», «...привезли каких-то братиков (белорусы и украинцы), когда самим жрать нечего». Доходило до того, что беженцев не пускали в общие очереди за хлебом¹⁰¹.

Нелёгкой была и языковая адаптация бывших польских граждан. В первый год многие мигранты из Польши русского языка не знали. Польские беженцы, работающие в тресте № 22 на строительстве завода № 78 (имени Серго Орджоникидзе), безуспешно требовали снабжения литературой и прессой на идише, немецком и польском языках, а также организации школы по изучению русского языка¹⁰².

В этот начальный период знание русского языка также могло стать решающим в выборе бригадира в бригаде из бывших польских граждан¹⁰³.

Спустя год знание русского языка было различным. К 1941 году кто-то не знал его вовсе, кто-то благодаря самостоятельному изучению знал относительно неплохо¹⁰⁴.

Несмотря на то что государственная политика в 1940 году, по-видимому, не предусматривала создания организаций, которые бы учитывали национальную специфику завербованных рабочих из бывших польских граждан, уже в это время проявилась, пусть ещё не очень устойчивая, тенденция возникновения отдельных структур. Эту тенденцию, возможно, с некоторыми оговорками можно отнести к начальной стадии самоорганизации.

Так, в первой половине 1940 г. в детском саду треста «Магнитострой» были отдельные группы для детей рабочих, прибывших из Западной

¹⁰¹ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 3. Д. 506. Л. 243, 287, 433–434.

¹⁰² ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 3. Д. 506. Л. 434–435; Там же. Д. 497. Л. 77.

¹⁰³ Bok J. Na Uralu: Pamiętnik robotnika polskiego w ZSRR 1940–1945. — Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1950. — S. 15.

¹⁰⁴ См. напр.: ОГАЧО. Ф. Р-467. Оп. 4. Д. 4165. Л. 39 об., 46–49 об.

Белоруссии¹⁰⁵. Орджоникидзеvский районный комитет МОПР организовал две стахановских мопровских бригады из рабочих, прибывших из Западной Украины и Западной Белоруссии, а также кружок самодеятельности из прибывших из Западной Белоруссии¹⁰⁶.

Таким образом, процесс адаптации бывших польских граждан к новой для них советской действительности в 1939 — первой половине 1941 года был связан с множеством проблем. Такие из них, как транспорт, жильё, трудоустройство решались советскими, партийными структурами и работодателями в организованном порядке. Однако, например, в вопросе изучения русского языка мигранты были, в основном, предоставлены сами себе, и немногочисленные курсы по ликвидации неграмотности, которыми они были охвачены наравне со всеми советскими гражданами, не могли кардинально изменить ситуацию.

С началом Великой Отечественной войны бывшие польские граждане пропадают из фокуса пристального внимания партийных и государственных структур. Процессы адаптации приобретают по крайней мере на время стихийный характер.

¹⁰⁵ Архив ООО «Трест Магнитострой». Личное дело Шпинак Р. А.

¹⁰⁶ ОГАЧО. Ф. П-952. Оп. 1. Д. 75. Л. 40.

ГЛАВА 2. Польские организации в Челябинской области в 1942–1946 гг.

2.1. Деятельность представительства посольства Польши в 1942 г.

С установлением дипломатических отношений между правительством Польши в изгнании и СССР в 1941 г. началось создание в стране сети представителей для связи с массами польского населения. Первоначально такими представителями на местах были офицеры связи. В конце 1941 г. в Челябинск приехали подполковник Адам Сикорский и Юзеф Сервас¹⁰⁷. Затем было начато создание сети постоянных представительств (делегатур) польского посольства для опеки над польским населением. Такое представительство в начале 1942 года было создано в Челябинске, оно располагалось вначале в гостинице «Южный Урал», а затем по ул. Цвиллинга, 49¹⁰⁸, первым главой делегатуры стал Хенрик Словиковский, а общая численность работников составляла 16 человек¹⁰⁹. Челябинская делегатура охватывала Челябинскую и Свердловскую области и к концу июня 1942 г. смогла взять на учёт 13 500 бывших польских граждан, в основном в Свердловской области¹¹⁰.

Делегатурам подчинялась, в свою очередь, сеть доверенных лиц, занимавшихся опекой польского населения на местах. В Челябинской

¹⁰⁷ Woćkowski D. Czas nadziei: Obywatele Rzeczypospolitej Polskiej w ZSRR i opieka nad nimi placówek polskich w latach 1940—1943. — Warszawa: Wydawnictwo Neriton, 1999. — s. 265.

¹⁰⁸ IPMS. Sygn. A.7.307/9a. S. 3, 7, 9, 14; Чевардин, А. В. Судьба польских спецпереселенцев (1941 – 1943) в Уральском регионе [Текст] / А. В. Чевардин // Известия Уральского государственного университета. Серия 2 «Гуманитарные науки». – 2008. – № 55. – С. 226 – 233.

¹⁰⁹ Woćkowski D. Czas nadziei: Obywatele Rzeczypospolitej Polskiej w ZSRR i opieka nad nimi placówek polskich w latach 1940—1943. — Warszawa: Wydawnictwo Neriton, 1999. — s. 304.

¹¹⁰ Woćkowski D. Czas nadziei: Obywatele Rzeczypospolitej Polskiej w ZSRR i opieka nad nimi placówek polskich w latach 1940—1943. — Warszawa: Wydawnictwo Neriton, 1999. — s. 309.

области на 30 ноября 1942 г. было всего три таких доверенных: Владимир Кухарский курировал районы Челябинска, Копейска, Аргаяша и Еткуля; Янина Кшижановская — Полтавский район; Шия Исаакович Зильбер — Троицкий¹¹¹. На территории области был учтён всего 1 541 бывший польский гражданин, из них 585 мужчин, 562 женщины, 394 ребёнка; 66 % от общего числа составляли поляки, 18 % евреи, 16 % — украинцы и белорусы¹¹².

Польское посольство получало из различных источников средства для помощи бывшим польским гражданам. Заграничные польские общественные организации (в Америке, Канаде, Австралии и т.д.) присылали продукты и одежду, часть военного оборудования поступала из Англии, Советский Союз предоставлял кредиты.

По данным Даниэля Боцьковского, с января по июнь 1942 г. челябинская делегатура получила из разных источников 130 тонн грузов и 274 735 рублей¹¹³. Эта значительная помощь, однако, доходила далеко не до всех: в Челябинской области ей могли воспользоваться не более 14 % проживавших здесь бывших польских граждан. Продуктовая помощь полякам в Челябинской области начала поступать не раньше начала апреля 1942 г., когда в Челябинск пришёл первый вагон с благотворительными товарами из-за границы, одежда и лекарства начали прибывать с мая¹¹⁴. На местах помощь распределялась доверенными лицами по их собственному усмотрению, поэтому известны неоднократные случаи злоупотреблений и

¹¹¹ Чевардин, А. В. Судьба польских спецпереселенцев (1941 - 1943) в Уральском регионе [Текст] / А. В. Чевардин // Известия Уральского государственного университета. Серия 2 «Гуманитарные науки». – 2008. – № 55. – С. 226 – 233.

¹¹² Boćkowski D. Czas nadziei: Obywatele Rzeczypospolitej Polskiej w ZSRR i opieka nad nimi placówek polskich w latach 1940—1943. — Warszawa: Wydawnictwo Neriton, 1999. — s. 210-211.

¹¹³ Boćkowski D. Czas nadziei: Obywatele Rzeczypospolitej Polskiej w ZSRR i opieka nad nimi placówek polskich w latach 1940—1943. — Warszawa: Wydawnictwo Neriton, 1999. — s. 298, 310.

¹¹⁴ IPMS. Sygn. A.7.307/9с. S. 161, 167, 258, 260.

спекуляций благотворительными товарами со стороны работников делегатур и доверенных лиц¹¹⁵, такие злоупотребления были и в Челябинске¹¹⁶.

В Челябинске, как и на других узловых станциях железной дороги, располагался пункт санитарной обработки и питания, был также отдельный военный пункт связи, который оказывал помощь проезжающим эшелонам¹¹⁷.

В конце 1942 г. в связи с осложнением отношений между СССР и польским эмигрантским правительством делегатура в Челябинске прекратила свою работу, а часть её работников была выслана из страны¹¹⁸.

25 апреля 1943 г. Советское Правительство прервало дипломатические отношения с польским эмигрантским правительством. Для бывших польских граждан, находившихся на тот момент в СССР, была проведена паспортизация, в ходе которой было учтено 256 077 человек. Челябинская область в это время стала одним из основных мест концентрации бывших польских граждан в РСФСР, на этой территории их было зарегистрировано 10 257 человек¹¹⁹.

¹¹⁵ См., напр.: Жаравин В. С. Поляки в Котельниче в годы Великой Отечественной войны [Электронный ресурс] // «Позабыть нельзя»: Кировчане в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. (Хрестоматия). — Киров, 2010. URL: <http://voyna.gaspiko.ru/blog/15.html> (дата обращения: 31.03.2019).

¹¹⁶ Woćkowski D. Czas nadziei: Obywatele Rzeczypospolitej Polskiej w ZSRR i opieka nad nimi placówek polskich w latach 1940—1943. — Warszawa: Wydawnictwo Neriton, 1999. — s. 374.

¹¹⁷ IPMS. Sygn. A.7.307/9a. S. 59; Woćkowski D. Czas nadziei: Obywatele Rzeczypospolitej Polskiej w ZSRR i opieka nad nimi placówek polskich w latach 1940—1943. — Warszawa: Wydawnictwo Neriton, 1999. — s. 260-261.

¹¹⁸ Катынь. Март 1940 г. - сентябрь 2000 г.: Расстрел. Судьбы живых. Эхо Катыни. Документы / Редкол.: Козлов В.П. (пред.), Лебедева Н.С. (отв. сост.) и др. (Рос. редкол.), Наленч Д. (пред.) и др. (Пол. редкол.); Сост.: Лебедева Н.С. и др. [Россия], Вошинский Б. и др. [Польша].. — М.: Весь мир, 2001. — с. 409.

¹¹⁹ Там же. С. 458–460.

2.2. Общественные и образовательные организации в 1943–1946 гг.

После разрыва дипломатических отношений между СССР и правительством Польши в изгнании, бывшие польские граждане в Советском Союзе на некоторое время остались без каких-либо объединяющих их организаций. Вопросы помощи бывшим польским гражданам ненадолго были переданы Постоянному представительству СНК БССР при СНК СССР¹²⁰.

Поэтому как раз в это время создаётся общественная организация под названием «Союз польских патриотов» (СПП) для объединения всех поляков в СССР с целью активизации борьбы с фашизмом за освобождение Польши и удовлетворения материальных и культурных потребностей поляков — всё это в тесной дружбе с Советским Союзом. Первый съезд прошёл в июне 1943 г., а на рубеже 1943–1944 гг. формируется Челябинское областное правление СПП.

Челябинское областное правление СПП было организовано 1 октября 1943 года в составе трёх человек: председатель Самуэль Шифф, секретарь Станислав Высочан и член правления Юльян Хорович. Однако активную работу правление начало только в январе 1944 года. Одной из его основных задач на первом этапе был поиск и регистрация польских граждан области. В марте после призыва Высочана в армию в составе правления произошли изменения. Секретарём назначен Францишек Войцеховский, председатель Копейского городского правления. Членами правления стали Макс Розен, Барбара Радваньска и Сильвен Финкельштейн. Параллельно с созданием областного правления организовывались городские и районные правления в

¹²⁰ ОГАЧО. Ф. П-952. Оп. 1. Д. 102. Л. 97,120, 164, 173, 187.

Магнитогорске, Копейске, Троицке и Новозлатоустовском районе. В это время число польских граждан в области оценивалось в 12 тысяч человек¹²¹.

В дальнейшем председателями областного правления были Юзеф (Иосиф) Гутман, Борис Друкер и, наконец, Макс Розен¹²². С. Шифф стал представителем Главного правления СПП на Урале¹²³.

В правления старались подбирать людей разных национальностей (имелось в виду, что должны присутствовать и поляки, и евреи), разного социального происхождения, разных профессий и с разным политическим прошлым, главное, чтобы они были честными и разделяли идеологические установки СПП о построении новой, демократической Польши¹²⁴.

Постепенно численность членов правлений росла вместе с ростом числа членов СПП, увеличивалось количество штатных единиц.

Союз польских патриотов занимался широким кругом вопросов: от материальной взаимопомощи до политической работы. Большое практическое значение для сохранения языка и польской национальной идентичности имела культурно-просветительная работа, принимавшая самые разнообразные формы.

В конце 1945 г. в области насчитывалось 16 городских и районных правлений СПП, 91 ячейка и 4 953 члена. Общая численность польских граждан (поляков и евреев) оценивалась в 9 тысяч человек, включая одну тысячу мобилизованных в 1944 году на территории Западной Украины и Западной Белоруссии. В Магнитогорске, Троицке, Копейске и Челябинске

¹²¹ AAN. ZPP. Sygn. 73. S. 2; Sygn. 75. S. 54.

¹²² AAN. ZPP. Sygn. 75. S. 8, 9, 12, 28, 50.

¹²³ AAN. ZPP. Sygn. 73. S. 46 zwrot.

¹²⁴ AAN. ZPP. Sygn. 74. S. 7.

работали театральные кружки, в Копейске и Новозлатоустовском районе — хоры, а в Златоусте — духовой оркестр. В Челябинске и Новозлатоустовском районе работали швейные мастерские. Также в Новозлатоустовском районе действовала парикмахерская, весь доход которой поступал на цели общественной помощи¹²⁵. В некоторых городах, например в Челябинске, Кусе и Златоусте, работали также клубы с небольшими библиотечками. Встречаются упоминания и о других коллективах, организованных СПП, например, в Чебаркуле существовал струнный оркестр¹²⁶.

Театральный кружок и хор, организованные в 1944 году Магнитогорским городским правлением СПП, первоначально имели репертуар почти исключительно на идише, поэтому областное правление потребовало их полонизации¹²⁷. На собраниях и конференциях некоторые евреи выражали сожаление, что не могут проводить работу на идише. Но представители главного правления объясняли, что СПП организован для продвижения польского патриотизма и старается сблизить оба народа, поэтому необходимо знание именно польского языка¹²⁸.

В первой половине 1946 года в области было 16 районных и городских правлений, 9 представительств СПП в местностях с малым количеством польских граждан, 93 местных и заводских ячейки и 7 молодежных ячеек. Количество членов СПП составило 4 968 человек. Действовало 10 художественных коллективов (театральные кружки, хоры, оркестры)¹²⁹. В

¹²⁵ ААН. ЗПП. Sygn. 75. S. 1.

¹²⁶ ААН. ЗПП. Sygn. 75. S. 45 zwrot.

¹²⁷ ААН. ЗПП. Sygn. 73. S. 27 zwrot.

¹²⁸ ААН. ЗПП. Sygn. 75. S. 33–35.

¹²⁹ ААН. ЗПП. Sygn. 75. S. 47–49.

январе 1946 г. у семи местных ячеек Челябинска были свои помещения для собраний¹³⁰.

Регулярно проводились собрания, устраивались различные мероприятия, отмечались праздники, например день рождения Адама Мицкевича, годовщины Варшавского восстания и восстания в Варшавском гетто, а также восстания Костюшко, день Красной Армии, день независимости Польши, день польской конституции и многое другое¹³¹.

В конце 1945 — первой половине 1946 года каждые 10–13 дней выходила польская 30-минутная радиопередача областного правления СПП. В 1946 г. состоялось 7 выпусков с вещанием на всю область. В них звучали новости из жизни Польши и областного правления СПП, короткие статьи на актуальные темы, организационные сообщения по вопросам репатриации, а также художественная часть, состоящая из литературных монтажей, стихов, польских песен и музыки. Местные радиопередачи на польском языке выходили также в Магнитогорске¹³².

Важнейшую роль Союз польских патриотов играл в организации сети польских школ и детских домов в СССР. В этом вопросе он работал во взаимодействии с Народными комиссариатами просвещения.

Постановлением СНК СССР от 30 июня 1943 г. при Наркомате просвещения РСФСР был образован Комитет по делам польских детей в СССР (Компольдет). В его состав вошли четыре представителя от Наркомата просвещения РСФСР, три представителя от СПП и по одному от наркоматов здравоохранения, торговли, лёгкой промышленности и Главного управления трудовых резервов при СНК СССР. Задачами Комитета были организация польских детских садов и яслей, школ, детских домов; издание книг и

¹³⁰ ААН. ЗПП. Sygn. 75. S. 61.

¹³¹ ААН. ЗПП. Sygn. 75. S. 49.

¹³² ААН. ЗПП. Sygn. 75. S. 49, 66.

учебников; организация переподготовки учителей, профессионального обучения и школ для взрослых.

Благодаря деятельности Компольдета значительно выросла сеть польских школ в стране. Если на 1 августа 1943 г. их было 57 с 1 740 учащимися, то к 1 января 1946 г. — 248, в т. ч. 183 начальные, 55 неполных средних и 10 средних с общим числом обучающихся 18 659¹³³.

С 1944 г. стараниями Союза польских патриотов польские школы начали открываться в Челябинской области. Обучение в них велось на польском языке, изучались польский язык, история и география Польши. На июнь в 1946 г. в области польские школы и группы работали в Магнитогорске, Троицке, Увельском, Златоусте, Верхнем Уфалее и Коркино. Всего из 1814 польских детей их посещали только 269. Работало 14 учителей. Уровень успеваемости составлял 80%, что выше среднего значения в советских школах. Не хватало ставок учителей, топлива, учебников, письменных принадлежностей и школьного оборудования¹³⁴.

Польская школа в Магнитогорске открыта 1 сентября 1944 г. Она располагалась в двух кабинетах советской школы № 44, в которых в две смены занимались с первого по четвёртый класс. Также первый класс был открыт при школе № 14¹³⁵.

Летом 1944 г. был организован пионерский лагерь для польских детей, его начальником была назначена Ю. С. Финкельштейн¹³⁶. До конца августа в нём побывало около 200 (по другим данным, 125) детей из Челябинска, Копейска и других местностей¹³⁷.

¹³³ Калениченко П. М. Указ. соч. с. 156–159.

¹³⁴ AAN. ZPP. Sygn. 726. S. 22.

¹³⁵ Szkolnictwo polskie w ZSRR (1943 – 1947). Dokumenty i materiały. Warszawa, Państwowe Zakłady Wydawnictw Szkolnych, 1961. S. 277.

¹³⁶ ОГАЧО. Ф. П-488. Оп. 3. Д. 38. Л. 109–110.

¹³⁷ AAN. ZPP. Sygn. 73. S. 18; Sygn. 75. S. 54 zwrot.

В конце 1944 г. Облисполком передал бывший эстонский детский дом недалеко от станции Нижнеувельская для организации польского детского дома на 90 детей (впоследствии контингент установлен в 60 детей). По заявке СПП уполномоченный Наркомторга выделил большое количество продуктов и промтовары для организации детдома¹³⁸. И впоследствии Упрособторг также выделял благотворительные товары для воспитанников¹³⁹.

Официально Детский дом был открыт 16 февраля 1945 г. Он располагался в с. Увельском в двухэтажном каменно-деревянном здании бывшей школы, имел также хозпостройки, 6 га земли и две коровы. Дети жили в тесноте, не хватало мебели, ложек, но при этом были в целом здоровы, росли и набирали вес. При подготовке к репатриации со стороны Облоно были выдано большое количество белья, обуви и верхней одежды.

С первых же дней при Детском доме работала четырёхлетняя польская начальная школа. Правда, финансирование её со стороны Наркомпроса началось несколько позднее, а в первое время учителя работали на общественных началах¹⁴⁰. Это несмотря на решение Челябинского облисполкома № 1342 от 27.12.1944 открыть польскую начальную школу при детском доме с 1 января 1945 г. с контингентом 70 учащихся¹⁴¹.

Увельский райисполком обязал в ноябре 1945 г. районную топливную контору снабдить топливом польский детский дом в рамках декадника по заготовке и вывозке топлива¹⁴².

¹³⁸ ОГАЧО. Ф. Р-274. Оп. 3. Д. 1802. Л. 26. Там же. Ф. Р-1038. Оп. 1. Д. 2. Д. 79. Там же. Д. 6. Л. 49.

¹³⁹ ОГАЧО. Ф. Р-1038. Оп. 1. Д. 17. Zabłudowska I. Peska // *Biuletyn Reunion* '68. Nr. 31, 2014. S. 11.

¹⁴⁰ ААН. ЗРР. Sygn. 724. S. 85–87.

¹⁴¹ ОГАЧО. Р-274. Описание 3. Дело 1763. Л. 80—81.

¹⁴² УА. Ф. 15. Оп. 1. Д. 49. Л. 229.

Директором Детского дома всё время его существования был Леон Левин, всего в первой половине 1946 г. в Детском доме работало 19 человек: директор, завуч, два учителя, шесть воспитателей и обслуживающий персонал¹⁴³. В Детском доме находилось 67 детей¹⁴⁴. Их собирали со всей области, в том числе из советских детских домов¹⁴⁵. К моменту репатриации в нём было 62 воспитанника в возрасте от 5 до 16 лет¹⁴⁶.

В источниках встречаются упоминания о проблемах с воспитательной работой в Детском доме, когда некоторые воспитатели проводили её не в духе Союза польских патриотов. Областное правление СПП принимало усилия для выправления ситуации и путём систематических проверок пыталось её контролировать¹⁴⁷.

При Детском доме действовал драматический кружок, который организовывал вечера художественной самодеятельности. Дети часто выступали в местном клубе, а также выезжали выступать на вечера советско-польской дружбы в Челябинске и в Анненском детском туберкулёзном санатории¹⁴⁸.

Бывшие польские граждане могли свободно обучаться в советских образовательных учреждениях. В документах встречаются упоминания о студентах Челябинского и Магнитогорского пединституты, мединститута, железнодорожного и энергетического техникумов¹⁴⁹. Областное правление

¹⁴³ ОГАЧО. Р-1038. Опись 1. Дело 42. Л. 2 — 2 об.

¹⁴⁴ ААН. ZPP. Sygn. 75. S. 54 zwrot.

¹⁴⁵ Zabłudowska I. Peska // Biuletyn Reunion '68. Nr. 31, 2014. S. 10.

¹⁴⁶ ОГАЧО. Р-1000. Опись 2—л. Дело 254. Л. 1 — 8.

¹⁴⁷ ААН. ZPP. Sygn. 75. S. 2, 5, 75.

¹⁴⁸ ААН. ZPP. Sygn. 724. S. 86.

¹⁴⁹ Напр.: ОГАЧО. Ф. П-952. Оп. 1. Д. 87. Л. 1–2. Там же. Ф. Р-1038. Оп. 1. Д. 2. Л. 69; 74. Там же. Д. 13. Там же. Д. 55.

СПП выплачивало пособия студентам. В 1945–1946 гг. на эти цели пошло 16 500 рублей¹⁵⁰.

Местные правления СПП организовывали также курсы польского языка. В конце 1945 г. курсы польского языка и литературы действовали в Копейске, Кыштыме, Юрюзани и Верхнем Уфалее¹⁵¹. В первой половине 1946 года в Магнитогорске, Копейске, Златоусте и Кыштыме курсы польского языка посещали 75 человек¹⁵².

¹⁵⁰ AAN. ZPP. Sygn. 492. S. 152.

¹⁵¹ AAN. ZPP. Sygn. 75. S. 67.

¹⁵² AAN. ZPP. Sygn. 726. S. 22.

2.3. Снабжение польских граждан в 1943–1946 гг.

Постановлением СНК от 21 мая 1943 года в составе Народного комиссариата торговли (НКТ) было образовано Управление по снабжению поляков, эвакуированных из западных областей Украины и Белоруссии в тыловые районы СССР (Упрособторг). Оно было призвано улучшить снабжение бывших польских граждан путём распределения благотворительных грузов, поступающих из-за границы, фондов, выделенных Советским Союзом, а также путём организации предприятий для обслуживания населения (мастерские, столовые, подсобные хозяйства и т.д.).

Центральный аппарат Упрособторга составлял 20 человек¹⁵³ во главе с начальником Упрособторга, которым вначале был непродолжительное время Анатолий Николаевич Иванов-Эренди, а примерно с октября 1943 г. — Надежда Семёновна Холодилова (затем в замужестве Шувалова)¹⁵⁴. По стране была создана сеть уполномоченных, у каждого из которых был аппарат штатом 7—12 человек¹⁵⁵.

Первоначально в 1943 г. было создано 11 баз Упрособторга и соответственно 11 должностей уполномоченных в городах: Кирове, Сыктывкаре, Архангельске, Чкалове, Барнауле, Красноярске, Павлодаре, Петропавловске, Семипалатинске, Самарканде и Ашхабаде¹⁵⁶. База представляла собой оптовый склад, вначале на месте складов бывшего

¹⁵³ Калениченко П. М. Польська прогресивна еміграція в СРСР в роки другої світової війни. — Київ: Видавництво Академії наук Української РСР, 1957. — с. 170.

¹⁵⁴ ОГАЧО. Ф. Р-1038. Оп. 1. Д. 6

¹⁵⁵ Калениченко П. М. Польська прогресивна еміграція в СРСР в роки другої світової війни. — Київ: Видавництво Академії наук Української РСР, 1957. — с. 170.

¹⁵⁶ ОГАЧО. Ф. Р-1038. Оп. 1. Д. 6. Л. 134.

польского посольства, её непосредственно возглавлял директор базы, а всей работой по снабжению бывших польских граждан руководил уполномоченный.

Согласно «Положению об Уполномоченном Наркомторга СССР по снабжению поляков эвакуированных из западных областей Украины и Белоруссии в тыловые районы СССР» он должен был осуществлять дополнительное снабжение бывших польских благотворительных учреждений (детские сады, ясли, дома инвалидов и т.д.), переданных к этому времени в советскую систему, а также оказывать помощь благотворительными товарами нуждающимся эвакуированным полякам, прежде всего семьям военнослужащих. Для этого им проводились приёмка, учёт, хранение, транспортировка благотворительных грузов. Кроме этого он должен был основывать предприятия для улучшения снабжения: мастерские, подсобные хозяйства, откормочные пункты, рыболовецкие и охотничьи бригады и пр. Важным условием деятельности была строгая отчётность перед Москвой¹⁵⁷.

Обслуживаемый контингент определялся так: все бывшие польские граждане, эвакуированные из западных областей Украины и Белоруссии в тыловые районы СССР. Под эвакуированными понимались все, проживавшие до 17 сентября на территориях Западной Украины, Западной Белоруссии и Польши¹⁵⁸. Таким образом, помощью были охвачены все без исключения категории бывших польских граждан, независимо от времени и причин прибытия в советский тыл. Не было вначале различий и в национальности: в это число попали как поляки и евреи, так и украинцы и белорусы.

¹⁵⁷ ОГАЧО. Ф. Р-1038. Оп. 1. Д. 6. Л. 175—179.

¹⁵⁸ ОГАЧО. Ф. Р-1038. Оп. 1. Д. 6. Л. 94.

Поначалу помощь получали только польские граждане, проживающие недалеко от баз, но с 15 октября 1943 года все территории их расселения были распределены между уполномоченными¹⁵⁹. В местах крупных сосредоточений поляков появлялись заместители уполномоченных по конкретной области или республике, имеющие те же самые обязанности, но подчиняющиеся одному из уполномоченных. Заместители чаще работали по совместительству, сочетая службу в органах торговли с помощью польским гражданам в рамках Упрособторга.

Для того чтобы охватить оказываемой помощью все без исключения районы проживания поляков и не допустить ситуации, бытовавшей при деятельности бывшего польского посольства, когда помощь доходила до меньшинства, были изданы специальные инструкции по отправке благотворительных грузов на места.

Основная инструкция была выдана 17 ноября 1943 г. Наркоматом торговли СССР и Центросоюзом местным торгующим организациям, она обязала их заключать договоры с представителями Упрособторга и осуществлять операции с благотворительными грузами¹⁶⁰. Таким образом, в распоряжение Упрособторга предоставлялась вся сеть местных торговых организаций: оптовые базы, торги, потребсоюзы и кооперативы. На основе этой инструкции был составлен типовый договор между Упрособторгом и местными торгующими организациями¹⁶¹, по которому они осуществляли все операции с благотворительными грузами (приём, хранение, учёт, отправку и выдачу) за процент от суммы оценочной стоимости товаров, который оплачивался им Упрособторгом, польское же население получало благотворительные товары бесплатно.

¹⁵⁹ ОГАЧО. Ф. Р-1038. Оп. 1. Д. 17. Л. 5-7.

¹⁶⁰ ОГАЧО. Ф. Р-1038. Оп. 1. Д. 6. Л. 150—152.

¹⁶¹ ОГАЧО. Ф. Р-1038. Оп. 1. Д. 8. Л. 24.

С самого начала организации Упрособторга предусматривалась постоянная связь с СПП на всех уровнях: от низового до центрального аппарата. Первыми представителями СПП при Упрособторге были Анджей Витос и Болеслав Дробнер¹⁶². СПП мог рекомендовать своих членов для работы в аппарате уполномоченных, часто инспекторами или заместителями уполномоченных работали бывшие польские граждане.

Связь с СПП осуществлялась также с помощью комиссий содействия. Для осуществления тесного контакта уполномоченных с польским населением выбирались областные или республиканские комиссии содействия (облкомсоды, комсоды) при уполномоченном. На организованных СПП общих собраниях польских граждан производились выборы в комиссию, состоящую из 3—9 человек¹⁶³. Комиссии должны были распределять совместно с уполномоченным благотворительные грузы.

По данным Альбина Гловацкого первоначально, в 1943 г., комсоды дублировали деятельность KOS — Komisji Opieki Społecznej — комиссий общественной помощи (встречающиеся варианты перевода: общественной опеки, социального обеспечения) СПП¹⁶⁴. Однако к 1944 г. они, по-видимому, слились, и комиссии общественной помощи СПП считались комиссиями содействия. При этом некоторая путаница осталась: если по-польски они все продолжали именоваться «Komisja Opieki Społecznej», то по-русски областные комиссии чаще назывались комсодами, а районные — общественной помощи, но и те, и другие именовались обоими названиями.

Важно было то, что они всё равно оставались крепким связующим звеном между польской общественностью и СПП с одной стороны, и

¹⁶² Калениченко П. М. Польська прогресивна еміграція в СРСР в роки другої світової війни. — Київ: Видавництво Академії наук Української РСР, 1957. — с. 170.

¹⁶³ ОГАЧО. Ф. Р-1038. Оп. 1. Д. 6. Л. 94.

¹⁶⁴ Głowacki A. Ocalić i repatriować: Opieka nad ludnością polską w głębi terytorium ZSRR (1943—1946). — Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 1994. — s. 70—71.

аппаратом Упрособторга с другой. Всей непосредственной работой с населением занимались именно они: приёмом заявлений, их подтверждением, составлением списков на выдачу благотворительной помощи.

Порядок получения помощи для отдельных граждан был следующий: проситель обращался в комиссию с заявлением, в некоторых случаях предъявляя документы, подтверждающие особую нуждаемость (подтверждение для семьи военнослужащего, справка об освобождении для амнистированных) или прикладывая их к заявлению (справка из больницы, реже характеристика с работы). Комиссия подтверждала нуждаемость в помощи и записывала заявителя в список, где указывала вид и количество получаемых благотворительных товаров. Дальнейшее зависело от местных условий. В самом простом случае, как, например, в Свердловском областном правлении СПП, правлению выдавались авансом самые ходовые продукты (в обход инструкций), и была возможность оказать помощь немедленно: проситель получал, к примеру, пачку горохового супа-концентрата и расписывался в получении. Чуть более сложным, но зато официальным был следующий порядок: заявитель обращался непосредственно в облправление, где местные польские органы (официально комсод, но это могло быть и облправление СПП, и даже уполномоченный Польской делегации при Советско-Польской смешанной Комиссии) подтверждали просьбу официальной запиской в Упрособторг. Заявитель с этой запиской являлся в Упрособторг, где на её основании ему выписывалась накладная на выдачу конкретного товара. По этой накладной он уже получал товар в магазине или на складе. В третьем случае, который охватывает польское население в глубинке, заявления подавались в районную комиссию общественной помощи или представителю СПП, если речь шла о небольшой группе польских граждан, комиссия составляла список и посылала его на утверждение облкомсоду. По подтверждении тот пересылал его

представителю Упрособторга (уполномоченному или заместителю) или в торговую организацию, имеющую договор с Упрособторгом и хранящую благотворительные грузы. После подтверждения (визирования) товары отгружались тем или иным способом в адрес местного СПП, который под роспись их выдавал, а учётные документы (списки с подписями) отсылал в Упрособторг. Такой способ был самым сложным и долгим, он был неудобен и самим уполномоченным, так как сильно задерживал отчётность по выданным товарам.

Таким образом, к этому времени складывается представление о том, что помощь должны получать все нуждающиеся бывшие польские граждане, особенно проживающие в глубинке. Имелся опыт, хоть не слишком удачный, организации такой помощи в сети польского посольства. Новые ответственные за это организации начинают прикладывать усилия, для того чтобы охватить помощью все районы проживания бывших польских граждан.

Организованные на месте бывших складов польского посольства базы Упрособторга первоначально обслуживали небольшой круг польских граждан, проживающих в этих центрах или в непосредственной близости от них. Однако с 15 октября 1943 года все регионы проживания польских граждан были распределены между существующими уполномоченными с их базами¹⁶⁵. Снабжением Челябинской области должен был заниматься уполномоченный Наркомторга в Петропавловске Л. С. Лебедев¹⁶⁶. Одновременно с этим с октября 1943 г. только что образовавшееся Временное областное правление Союза польских патриотов начало ходатайствовать о начале снабжения Челябинской области через систему

¹⁶⁵ ОГАЧО. Ф. Р-1038. Оп. 1. Д. 17. Л. 7-6.

¹⁶⁶ ОГАЧО. Ф. Р-1038. Оп. 1. Д. 17. Л. 5. Głowacki A. Ocalić i repatriować: Opieka nad ludnością polską w głębi terytorium ZSRR (1943—1946). — Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 1994. — s. 241.

Упрособторга. Впрочем, активная работа СПП началась в конце января 1944 года¹⁶⁷. Поэтому, по всей видимости, в феврале Упрособторг командирует в Челябинск инспектора К. И. Новикову, которая заключает договор с базой Челябинблторга о приёме, хранении и распределении благотворительных грузов. Директор Челябинблторга А. А. Крапивин был назначен заместителем Лебедева по Челябинской области¹⁶⁸.

23 февраля 1944 года прибывает первый вагон с грузами: большое количество продовольствия и одежда¹⁶⁹. В его приёме участвует активист Облкомсода М. Л. Розен, он же секретарь областного правления СПП.

Областная комиссия содействия была избрана во второй половине февраля¹⁷⁰ в связи с началом деятельности в Челябинске заместителя уполномоченного НКТ и ожиданием прибытия первых благотворительных грузов. Первые два заседания, по всей видимости, прошли в конце февраля и были посвящены организационному оформлению деятельности комиссии. Членами комиссии стали: инженер С. Финкельштейн, магистр права адвокат М. Л. Розен, доктор Г. Б. Браер, Ф. П. Войцеховский, Б. И. Друкер, П. И. Журек, Б. Радваньская, С. Я. Шиф, С. В. Мазин.

На основе норм выдачи, установленных Упрособторгом¹⁷¹, областная комиссия определила предельные нормы исходя из ассортимента и количества поступивших продуктов. Несколько выше остальных были определены нормы для семей военнослужащих Первого польского корпуса и Красной Армии. Дети, больные и инвалиды могли получить, к примеру, манную крупу; дети дополнительно получали сливочное масло (вместо

¹⁶⁷ ААН. ZPP. Sygn. 894. S. 91.

¹⁶⁸ ОГАЧО. Ф. Р-1038. Оп. 1. Д. 17. Л. 41-40.

¹⁶⁹ ОГАЧО. Ф. Р-1038. Оп. 1. Д. 17. Л. 37.

¹⁷⁰ ААН. ZPP. Sygn. 894. S. 15.

¹⁷¹ ОГАЧО. Ф. Р-1038. Оп. 1. Д. 17. Л. 11.

маргарина) и сладости. Впрочем, все остальные могли получить и бобовые, и чай, и сухое молоко¹⁷².

В областную комиссию содействия стали поступать заявления о выделении помощи, и с четвёртого марта комиссия начала распределять прибывшие грузы. В первый месяц областная комиссия содействия была единственной в городе Челябинске, и все заявления из Челябинска направлялись непосредственно к ней, тогда как в крупных местах концентрации поляков в области заявления собирались и рассматривались сначала в образуемых районных и городских комиссиях содействия, откуда уже подтверждённые поступали в областную комиссию. Большой наплыв заявлений, каждое из которых требовалось рассмотреть отдельно, загрузил работу комиссии, в марте ей пришлось собираться пять раз для распределения благотворительных грузов. В итоге 31 марта на седьмом заседании областной комиссии было решено создать в Челябинске несколько низших комиссий по типу уже имеющихся в области, чтобы они непосредственно на месте рассматривали заявления, оценивали и подтверждали действительную нуждаемость и передавали их в областную комиссию для окончательного решения. Такие комиссии были созданы во всех районах города, а также на отдельных заводах и стройках: Кировский завод (до войны и после 1947 года — ЧТЗ), Бакалстрой (ЧМЗ), ТЭЦ и Семьстрой — итого 10 комиссий. К каждой был прикомандирован один член областной комиссии для консультации и налаживания работы¹⁷³.

Заявлений о предоставлении помощи меньше не становилось, но теперь их стало проще рассматривать, заседания стали проводить чуть реже, а в мае оно состоялось только одно¹⁷⁴. Освободившиеся силы были направлены,

¹⁷² ОГАЧО. Ф. Р-1038. Оп. 1. Д. 17. Л. 32.

¹⁷³ ОГАЧО. Ф. Р-1038. Оп. 1. Д. 17. Л. 36.

¹⁷⁴ ОГАЧО. Ф. Р-1038. Оп. 1. Д. 17.

кроме всего прочего, на налаживание снабжения основных групп польских граждан в области: начинались отправки грузов, например, в Магнитогорск, Троицк, Копейск, Чебаркуль и Аргаяш.

Правда, нужно отметить, что отчётность комиссиями велась недостаточно чётко. Так из 21 протокола заседаний областной комиссии один оказался без номера, другой без даты, а третий не имел ни одного из этих обозначений. Заместитель уполномоченного Крапивин неоднократно жаловался на непредоставление этих протоколов и на небрежное составление списков: наличие помарок, исправлений, отсутствие печатей и подписей райисполкомов и руководства предприятий¹⁷⁵.

Особенным образом обстоит дело с выдачей благотворительных грузов в самом Челябинске, в котором проживало в это время по отдельным оценкам до 4 000 польских граждан. Для выдачи товаров Облторгом был открыт магазин, в который с базы периодически привозились партии грузов. Однако обеспечить бесперебойное снабжение через магазин не удалось — товары в него подвозились не вовремя, и для улучшения снабжения при базе временно был открыт ларёк для розничной раздачи товаров. Проработал он недолго, база Облторга не смогла уделить ему необходимого внимания, что Крапивин объяснял загруженностью основной работой¹⁷⁶. Работа по снабжению польских граждан Челябинска сосредоточилась опять в магазине.

Работа Облторга вызывала нарекания со стороны Союза Польских Патриотов, которые были изложены в письме от 20 мая 1944 г., разосланном в Облторг, торговдел облисполкома, обком ВКП(б), а также в Москву: в Упрособторг и Главное правление СПП. Облправление СПП обвиняло Облторг в нарушении инструкций Наркомторга: хранении благотворительных грузов вместе с другими грузами, отсутствии

¹⁷⁵ ОГАЧО. Ф. Р-1038. Оп. 1. Д. 17. Л. 50.

¹⁷⁶ ОГАЧО. Ф. Р-1038. Оп. 1. Д. 17. Л. 46.

инвентаризаций, использовании магазина для выдачи промтоваров областному партактиву. На работу магазина были и другие жалобы: антисанитарное состояние, отсутствие ремонта и отопления, перебои в доставке товаров, плохое обслуживание (обвесы), отсутствие в течение марта и апреля охраны и незащищённость от взлома. В итоге, в ночь с 17 на 18 мая магазин был ограблен. Это послужило последней каплей, и областной СПП потребовал в кратчайшие сроки исправить ситуацию: уволить продавца и назначить нового по согласованию с СПП, отремонтировать и защитить от взлома магазин, установить в нём вооружённую охрану, своевременно завозить товары, обслуживать только польское население, раз в пять дней отчитываться перед областным правлением о выдаче и остатках товаров¹⁷⁷.

В ответном письме директор Облторга и заместитель уполномоченного НКТ по снабжению эвакуированных поляков Крапивин признал часть нарушений. Хранение благотворительных грузов совместно с другими товарами он объяснил нехваткой помещений и обилием грузов. Инвентаризация наконец-то была произведена, и ввиду недовольства продавец была уволена. А вот по вопросу охраны Крапивин переложил часть ответственности на СПП: оказывается, с мая был принят сторож по рекомендации СПП, а в ночь ограбления в магазине находился ещё один польский гражданин. Прочие недостатки в работе магазина Крапивин объяснил тем, что Облторг занимается только оптовой торговлей, и предложил передать магазин в ведение розничного Горторга¹⁷⁸.

Областное правление СПП немедленно обратилось в Горторг с просьбой открыть магазин. По заключённому в июне договору между Облторгом и

¹⁷⁷ ОГАЧО. Ф. Р-1038. Оп. 1. Д. 17. Л. 41.

¹⁷⁸ ОГАЧО. Ф. Р-1038. Оп. 1. Д. 17. Л. 46.

Горторгом магазин вошёл в систему Горторга, новый продавец была назначена, по всей видимости, из польских граждан¹⁷⁹.

В начале 1944 года, когда в Челябинске был назначен заместитель уполномоченного НКТ по снабжению эвакуированных поляков, областное правление Союза Польских Патриотов только начинало свою работу. Эвакуированные из западных областей Украины и Белоруссии были рассредоточены по всей области, проживали во всех промышленных центрах. Количество их было везде различным, разной была и степень их самоорганизации, но все они нуждались в благотворительной помощи, и требовалось приложить специальные усилия, чтобы эта помощь дошла до адресатов. В ситуации, когда только что был назначен заместитель уполномоченного НКТ по совместительству, а СПП не владел информацией обо всех польских общинах, работой по выявлению мест расселения поляков занялся Облисполком.

Уже в начале февраля 1944 г. заместитель председателя Облисполкома Сосновский рассылает в исполкомы тех районов, где ещё не было представителей СПП, инструкции, предписывающие организовать на собраниях «польских подданных» каждого райцентра выборы представителя польской общественности, на которого возлагались обязанности, по сути, комиссии содействия: собирать и проверять заявления о помощи, составлять списки нуждающихся, заверять их в райисполкоме и предоставлять Крапивину. Снабжение таких районных групп планировалось осуществлять через местные торговые организации¹⁸⁰.

¹⁷⁹ ОГАЧО. Ф. Р-1038. Оп. 1. Д. 8. Л. 22.

¹⁸⁰ ОГАЧО. Ф. Р-1038. Оп. 1. Д. 17. Л. 33.

Одновременно рассылаются письма от Облторготдела, Облторга и Облпотребсоюза, обязывающие местные торговые организации осуществлять операции с благотворительными товарами¹⁸¹.

Впрочем, в исполкомах не всегда имели представление о поляках, проживающих в их районах. Так, например, Кизильский и Катав-Ивановский районы сообщили об отсутствии на их территории польских граждан, тогда как по уточнённым данным таковых было 9 и 120 человек соответственно¹⁸².

В первые месяцы деятельности в Челябинске представителя Упрособторга — с 1 марта по 31 июля было выдано товаров на сумму 328 929,04 рублей. Что входит в эти цифры? Поскольку промышленные товары стоили значительно дороже продовольственных, основная часть суммы приходится на них, а именно 255 786 р. Однако в численном выражении это только 1 701 вещь, то есть получается, что на одну выданную вещь приходится минимум пять польских граждан. Продуктов было выдано 10 137,08 кг на сумму 73 143,04 р. Если приблизительно учитывать вес продовольственного пайка согласно установленным нормам, то выходит, что такой паёк получило не более трёх-четырёх тысяч человек. Таким образом, в первые пять месяцев благотворительную помощь получило менее половины проживающих в области польских граждан¹⁸³. Однако выдача благотворительных товаров на этом не закончилась.

Ко второй половине 1944 г. относится появление в Челябинске самостоятельного уполномоченного по снабжению эвакуированных поляков и межобластного склада при нём.

Штатное расписание уполномоченного Наркомторга в Челябинске было утверждено 17 апреля 1944 г. Государственной штатной комиссией при

¹⁸¹ ОГАЧО. Ф. Р-1038. Оп. 1. Д. 17. Л. 21, 28.

¹⁸² ОГАЧО. Ф. Р-1038. Оп. 1. Д. 17. Л. 1, 24, 25.

¹⁸³ Подсчитано по: ОГАЧО. Ф. Р-1038. Оп. 1. Д. 17. Л. 1, 32.

Совнаркомом СССР, а 18 апреля — Упрособторгом¹⁸⁴. Согласно нему аппарат уполномоченного составлял 12 человек: уполномоченный, его заместитель, два старших инспектора-контролёра, главный бухгалтер, старший бухгалтер, секретарь-машинистка, директор базы, его заместитель, товаровед и два сторожа¹⁸⁵. В это расписание не вошли, однако, заместители уполномоченного по обслуживаемым областям.

25 ноября 1944 года приказом № 564 по Наркомторгу СССР была утверждена должность Уполномоченного Наркомторга СССР по снабжению поляков, эвакуированных из западных областей Украины и Белоруссии в тыловые районы СССР, в городе Челябинске¹⁸⁶. Приложением к этому приказу было утверждено также положение об уполномоченном в Челябинске, абсолютно типовое для всех уполномоченных.

Уполномоченный в городе Челябинске должен был заниматься дополнительным снабжением эвакуированных поляков в Челябинской, Свердловской, Курганской и Кустанайской областях, а также в Башкирской АССР. В это время на Урал не прибывало больших групп польских граждан, и организация центра снабжения в Челябинске преследовало цель полнее охватить помощью польских граждан этих регионов.

Подбору кандидатуры на должность уполномоченного как руководителя областного уровня и представителя центрального наркомата уделялось особенное внимание. Подысканием подходящего человека занимался отдел кадров обкома партии, после чего его утверждал, с одной стороны, секретарь обкома, а с другой стороны, по представлению начальника Упрособторга — нарком торговли или его заместитель.

¹⁸⁴ ОГАЧО. Ф. Р-1038. Оп. 1. Д. 6. Л. 125.

¹⁸⁵ ОГАЧО. Ф. Р-1038. Оп. 2. Д. 2. Л. 77—77 об.

¹⁸⁶ ОГАЧО. Ф. Р-1038. Оп. 1. Д. 6. Л. 175.

Вероятно, в конце июля Челябинский областной комитет ВКП(б) предложил на должность Уполномоченного Наркомторга СССР по снабжению поляков, эвакуированных из западных областей Украины и Белоруссии в тыловые районы СССР, в городе Челябинске Ивана Васильевича Корнильцева.

Как следует из учётных документов и автобиографии И. В. Корнильцева, он родился в 1895 году в селе Мезенка (ныне с. Мезенское Белоярского района Свердловской области) в семье крестьянина-бедняка. После окончания начального училища в возрасте 13 лет поступил на паровую мельницу и работал до призыва в царскую армию в 1915 году, где его как помощника машиниста определили на Балтийский флот. На эскадренном миноносце «Финн» в должности машиниста Корнильцев начал свой революционный путь: он активно участвовал у себя на корабле в Февральской революции, входил в состав судового комитета, а 1 мая 1917 г. вступил в РКП(б), за что в июле во время подготовки к наступлению был изолирован на полтора месяца. С началом октябрьских событий он с отрядом матросов находился в Ленинграде, а затем на фронтах гражданской войны в качестве командира отряда. После окончания гражданской войны работал на Урале на различных руководящих должностях, участвовал в Великой Отечественной войне, но в 1942 году был переведён опять в Челябинск¹⁸⁷.

Для организации межобластной базы в Челябинске, приёма и инструктажа уполномоченного не позднее середины июля в Челябинск вновь приезжает инспектор Упрособторга К. И. Новикова. Она добивается выделения помещений для деятельности уполномоченного, и выдаёт последнему необходимые письменные и устные инструкции.

¹⁸⁷ ОГАЧО. Ф. Р-1038. Оп. 2. Д. 1. Л. 84-86.

С 9 августа 1944 г. Корнильцев приступил к работе, в этот же день был принят на работу директор базы А. А. Семкин¹⁸⁸. В августе же был принят и главный бухгалтер Антонина Васильевна Деревянченко¹⁸⁹. 14 августа в присутствии Новиковой состоялась передача дел от Крапивина (бывшего заместителя уполномоченного) уполномоченному Корнильцеву¹⁹⁰.

Только третьего октября был принят на должность старшего инспектора-контролёра Степан Кириллович Кузнецов¹⁹¹. В дальнейшем он работал на разных должностях до самой ликвидации аппарата уполномоченных Упрособторга.

С. К. Кузнецов родился 25 декабря 1901 г. в селе Сыростан под Миассом, с 1914 года работал чернорабочим в Златоусте, а в 1919 году вступил добровольцем в Красную Армию. После демобилизации в 1924 г. начал работать счетоводом в Златоусте, а затем бухгалтером в Челябинске. С 1934 года работал главным бухгалтером обкома ВКП(б), а с 1937 г. — областного драматического театра. Призванный в 1941 году в армию, он до 1944 г. находился на фронте в звании капитана на должности начальника полевой кассы госбанка, где заболел туберкулёзом, и был комиссован со второй группой инвалидности¹⁹².

На должность заместителя директора базы 6 ноября был принят Николай Павлович Козелков, главной задачей которому вменялось заведование магазином¹⁹³. На должность конюха (коннорабочего), отсутствующую в штатном расписании, 10 октября был принят Григорий

¹⁸⁸ ОГАЧО. Ф. Р-1038. Оп. 1. Д. 10. Л. 1.

¹⁸⁹ ОГАЧО. Ф. Р-1038. Оп. 1. Д. 10. Л. 1 об.

¹⁹⁰ ОГАЧО. Ф. Р-1038. Оп. 1. Д. 5. Л. 157.

¹⁹¹ ОГАЧО. Ф. Р-1038. Оп. 1. Д. 10. Л. 1 об.

¹⁹² ОГАЧО. Ф. Р-1038. Оп. 2. Д. 1. Л. 66, 66 об., 70.

¹⁹³ ОГАЧО. Ф. Р-1038. Оп. 1. Д. 10. Л. 3.

Ульянович Ярославцев¹⁹⁴. Прочие должности в основном оставались вакантными, машинистка проработала недолго, а товаровед, второго старшего инспектора-контролёра и старшего бухгалтера Корнильцев и не собирался принимать¹⁹⁵.

В первое время основной задачей было налаживание работы конторы уполномоченного. Вероятно, ещё Новикова добились выделения помещения под контору. Горисполком уже 24 июля 1944 г. предоставил одноэтажный деревянный дом из двух комнат общей площадью 35 м² по ул. Кирова, 131 (в Заречье, не сохранился), ранее занимаемый Челябинским областным научно-инженерно-техническим обществом, но им не используемый¹⁹⁶.

Того же дня горисполком предложил ОРСу завода № 701 (им. Колющенко) передать помещение промтоварного магазина № 4 в посёлке ИЗО (ныне пос. Некрасова) для организации магазина для эвакуированных поляков¹⁹⁷. Однако данное предложение, по всей видимости, не было выполнено, т.к. дальнейшие данные об использовании помещения этого магазина отсутствуют.

Ещё раньше, 15 июля, Горторготдел приказал освободить 30–40 % соляного склада и передать его под базу уполномоченного по снабжению эвакуированных поляков¹⁹⁸. Однако и этот приказ не был выполнен, и Корнильцеву пришлось в дальнейшем подыскивать помещения под базу самостоятельно. Так он 18 октября обращался в контору Главнефтесбыта с просьбой об аренде деревянных складов¹⁹⁹. По имеющимся данным нельзя

¹⁹⁴ ОГАЧО. Ф. Р-1038. Оп. 1. Д. 10. Л. 1 об.

¹⁹⁵ ОГАЧО. Ф. Р-1038. Оп. 1. Д. 6. Л. 80.

¹⁹⁶ ОГАЧО. Ф. Р-1038. Оп. 2. Д. 7. Л. 7.

¹⁹⁷ ОГАЧО. Ф. Р-1038. Оп. 2. Д. 7. Л. 9.

¹⁹⁸ ОГАЧО. Ф. Р-1038. Оп. 2. Д. 7. Л. 8.

¹⁹⁹ ОГАЧО. Ф. Р-1038. Оп. 2. Д. 5. Л. 74.

утверждать, что помещение складов выделил именно Главнефтесбыт, но 25 октября Корнильцев помещение получил и приступил к ремонту. Только после этого появилась возможность принять благотворительные грузы от Облторга. Передача затянулась до 25 ноября, когда был подписан приёмо-сдаточный акт. Всего было принято товаров на 299 886,07 руб., из них промтоваров со склада на 203 757,85 руб., продуктов и мыла со склада на 38 541,09 руб. и товаров из магазина № 63, обслуживающего эвакуированных поляков, на 57 587,13 руб²⁰⁰.

Причём магазин остался на прежнем месте — по ул. Ленина, 8 (ныне ул. Свободы, 74) в подвале, но к этому времени он был уже отремонтирован, а после передачи утеплён, на окнах были решётки, и нареканий на его работу больше не поступало. Заведовать им стал заместитель директора базы Н. П. Козелков.

Таким образом, хотя по данным Упрособторга уполномоченный начал работать с августа 1944 г.²⁰¹, на самом деле организационный период затянулся и продолжался вплоть до конца ноября 1944 года²⁰². Так, за все выданные грузы до декабря отчитывались уполномоченные, в ведении которых находились регионы до организации должности в Челябинске²⁰³. Задержку в начале полноценной работы аппарата в Челябинске уполномоченный Корнильцев объяснял кроме всего прочего несвоевременным поступлением средств из Москвы: как зарплаты, так и ассигнований на расходы. Для получения денег требовался счёт в Госбанке, для открытия которого отсутствовали документы, задерживаемые

²⁰⁰ ОГАЧО. Ф. Р-1038. Оп. 1. Д. 13.

²⁰¹ ОГАЧО. Ф. Р-1038. Оп. 1. Д. 6. Л. 36.

²⁰² ОГАЧО. Ф. Р-1038. Оп. 1. Д. 6. Л. 52.

²⁰³ ОГАЧО. Ф. Р-1038. Оп. 1. Д. 6. Л. 52, 80.

Москвой²⁰⁴. Начальник Упрособторга, в свою очередь, была недовольна темпами организации и некоторыми её формами и требовала отчёты за весь период деятельности уполномоченного.

Одной из основных задач уполномоченного было ведение строгого учёта и предоставление подробной отчётности о движении благотворительных товаров. В отличие от деятельности делегатур и доверенных лиц польского посольства, изобилующей различными нарушениями, из-за которых значительная часть благотворительных товаров не доходила до нуждающихся, а растворялась на чёрных рынках, работа уполномоченных Наркомторга СССР по снабжению эвакуированных поляков была поставлена в жёсткие рамки. Несмотря на то, что не все положения инструкций и положений исполнялись в точности (например, на практике оказалась невозможной инвентаризация всех грузов на базе 2—3 раза в месяц), все основные показатели должны были сообщаться регулярно в Москву (о движении грузов — ежемесячно). Кроме того каждая выдача каждого товара должна была быть задокументирована и подтверждена подписью получающего.

Кроме основных показателей уполномоченные должны были отчитываться и о выполнении отдельных поручений Упрособторга, поступавших как в рамках кампаний (организация охотничьих и рыболовецких бригад, проведение децентрализованных заготовок, социалистическое соревнование и т.д.), так и по отдельным частным вопросам. Если такие вопросы могли разрешаться в процессе переписки в текущем порядке, то непредставление ежемесячных и ежегодных отчётов вызывало серьёзные последствия.

Первый же отчёт после завершения организационного периода — о положении на 1 января 1945 г. Корнильцев выслал с опозданием — только 23

²⁰⁴ ОГАЧО. Ф. Р-1038. Оп. 1. Д. 6. Л. 106.

января после пятого напоминания со стороны начальника Упрособторга Холодиловой. За это 5 февраля ему был объявлен выговор²⁰⁵. Корнильцев, в свою очередь, оправдывался тем, что в декабре болела бухгалтер, а в январе он сам²⁰⁶. Впрочем, его объяснения не помогли, и выговор не был снят.

Другая отчётность также задерживалась. Почему-то Корнильцев не знал, что он обязан представлять в Упрособторг копии списков и протоколов заседаний комсодов, хотя указание на это имелось в инструкциях²⁰⁷. В итоге первые списки он отправил только в начале марта 1945 года²⁰⁸.

Имелись и иные причины недовольства Корнильцевым, например, его неудачи в организации мастерских для обслуживания польских граждан.

Всё это привело к отставке Корнильцева. Причём инициатором отставки выступил отдел кадров обкома ВКП(б)²⁰⁹. Именно в обком обратилось областное правление СПП с жалобами на работу уполномоченного. В письме его обвиняют в неудовлетворительной работе, в частности, в том, что польские граждане некоторых районов области вовсе не получают помощь благотворительными товарами. Кроме того Корнильцев слабо прислушивался к мнению польских граждан и отказывался принимать их представителя в штат конторы, сам же он вообще редко появлялся на работе²¹⁰. Ещё больше обвинений содержало письмо облправления в Главное правление СПП. В нём Корнильцева прямо обвиняли в пьянстве и подозревали в махинациях. Там же описывались случаи, когда представители районов, приехав в Челябинск, не могли получить благотворительные

²⁰⁵ ОГАЧО. Ф. Р-1038. Оп. 1. Д. 6. Л. 43.

²⁰⁶ ОГАЧО. Ф. Р-1038. Оп. 1. Д. 6. Л. 52.

²⁰⁷ ОГАЧО. Ф. Р-1038. Оп. 1. Д. 6. Л. 94.

²⁰⁸ ОГАЧО. Ф. Р-1038. Оп. 1. Д. 6. Л. 36.

²⁰⁹ ОГАЧО. Ф. Р-1038. Оп. 2. Д. 1. Л. 30.

²¹⁰ AAN. ZPP. Sygn. 896. S. 33 — 33 zwrot.

товары, и вынуждены были возвращаться с пустыми руками, напрасно потратив время и деньги на дорогу. Кроме того ему ставили в вину отмену решений комсов, утверждённых и подписанных самим уполномоченным²¹¹.

Так или иначе, после неоднократных требований обкома Корнильцев был с работы снят приказом заместителя наркома торговли по представлению начальника Упрособторга Холодиловой с 28 марта с формулировкой «ввиду перехода на другую работу»²¹². Затем по ходатайству Корнильцева приказ был изменён. По новому приказу он снимался с 5 апреля «в связи с болезнью свыше двух месяцев»²¹³. Очевидно, это произошло из-за открытого до этой даты больничного листа.

Отдел кадров обкома ВКП(б) 14 марта 1945 г. направил на работу уполномоченным Анастасию Тимофеевну Погожеву. 28 марта она была утверждена на этой должности Упрособторгом, а 31 мая и приказом по Наркомторгу²¹⁴.

А. Т. Погожева родилась в д. Чечулино Алапаевского района Свердловской области в 1906 г. в крестьянской семье. Окончила 4 класса, а с 1930 г. работала в торговле: вначале продавцом, затем заведующим, и к 1944 г. была директором розницы спецторга. С декабря 1944 г. являлась кандидатом ВКП(б)²¹⁵.

²¹¹ ААН. ZPP. Sygn. 74. S. 107–108; Korzon A. Losy darów z Zachodu dla Polaków w ZSRR po zerwaniu polsko-radzieckich stosunków dyplomatycznych w kwietniu 1943 r. // Studia z Dziejów Rosji i Europy Środkowo-Wschodniej. T. 33. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe Semper, 1998. — s. 125.

²¹² ОГАЧО. Ф. Р-1038. Оп. 2. Д. 1. Л. 32.

²¹³ ОГАЧО. Ф. Р-1038. Оп. 2. Д. 1. Л. 19.

²¹⁴ ОГАЧО. Ф. Р-1038. Оп. 2. Д. 1. Л. 21, 34.

²¹⁵ ОГАЧО. Ф. Р-1038. Оп. 2. Д. 1. Л. 23, 44 об.

В марте Погожева активно знакомится с состоянием дел, уже 24 марта уезжает в командировку в польский детский дом в селе Увельском²¹⁶.

К июню ей, очевидно, удалось выправить ситуацию с отчётностью и освоиться на рабочем месте²¹⁷. Происходило это, однако, на фоне сокращения аппарата.

Экономия средств была одной из сопутствующих задач при деятельности учреждения. В условиях, когда новых благотворительных грузов не поступало, имеющееся штатное расписание (12 человек) было излишним. В связи с этим ещё 16 декабря 1944 г. Холодилова предлагала уполномоченным не принимать новых работников на вакантные должности, а уже имеющийся персонал использовать для связи с районами проживания польских граждан и получения отчётности (прежде всего, списков на выдачу товаров)²¹⁸.

17 марта 1945 г. в целях сокращения административно-управленческих и хозяйственных расходов на содержание местного аппарата был установлен новый штат в количестве 7 человек: уполномоченный, старший инспектор-контролёр, главный бухгалтер, секретарь-машинистка, директор базы и два сторожа²¹⁹. Новое штатное расписание вводилось с 1 мая. Для этого в аппарате уполномоченного Погожевой были произведены следующие изменения: бухгалтер Дервянченко была уволена по собственному заявлению, на её место с упраздняемой должности заместителя переведён Кузнецов, имевший большой опыт бухгалтерской работы и уже помогавший готовить отчёты; с должности директора базы уволен Семкин, а на его место назначен замдиректора Козелков, причём он продолжал заведовать

²¹⁶ ОГАЧО. Ф. Р-1038. Оп. 2. Д. 1. Л. 36.

²¹⁷ ОГАЧО. Ф. Р-1038. Оп. 1. Д. 6. Л. 26.

²¹⁸ ОГАЧО. Ф. Р-1038. Оп. 2. Д. 4. Л. 50.

²¹⁹ ОГАЧО. Ф. Р-1038. Оп. 2. Д. 2. Л. 28-29.

магазином; конюх Ярославцев стал официально считаться секретарём-машинисткой (sic!)²²⁰.

С первого же мая упразднились должности заместителей уполномоченного в Свердловской, и Кустанайской областях и в Башкирской АССР.

Вскоре последовало новое сокращение. 16 июля был издан приказ по Упрособторгу, согласно которому в связи с небольшим количеством благотворительных товаров, нерегулярностью поступления их из-за границы, и в связи с этим неполной загрузки аппарата уполномоченных, в городах Челябинске, Краснодаре, Джамбуле и Семипалатинске ликвидировались межобластные базы. Грузы из них передавались на хранение местным торгующим организациям так же, как ранее они поступали в области, не имеющие центральных баз. Согласно тому же приказу штатное расписание устанавливалось в количестве 2 человек: уполномоченный и старший бухгалтер. Несмотря на ликвидацию баз, работа уполномоченных продолжалась²²¹.

В соответствии с этим приказом с 1 августа были уволены директор базы и зав. магазином Козелков, принятый к этому времени с 1 июня старший инспектор-контролёр Гельб и конюх Ярославцев²²².

Однако с этого момента начинаются странности в учёте работающих у челябинского уполномоченного. Несмотря на то, что Гельб был уволен и не проходил по учётным документам, он продолжал работать, получал рабочие продуктовые карточки, неоднократно ездил в командировки как инспектор-контролёр, более того, после увольнения Козелкова он заведует магазином²²³.

²²⁰ ОГАЧО. Ф. Р-1038. Оп. 1. Д. 10. Л. 6-7.

²²¹ ОГАЧО. Ф. Р-1038. Оп. 1. Д. 6. Л. 16-16об.

²²² ОГАЧО. Ф. Р-1038. Оп. 1. Д. 10. Л. 17-17об.

²²³ ОГАЧО. Ф. Р-1038. Оп. 1. Д. 6. Там же. Д. 8. Там же. Д. 9. Л. 45, 64. Там же. Д. 56.

Весьма возможно, что зарплату ему мог выплачивать СПП. Официально же в конторе уполномоченного значатся двое: уполномоченный Погожева и бухгалтер Кузнецов.

Вероятно, они вполне справлялись с упавшими объёмами работы. Благотворительная помощь из-за границы поступала нерегулярно, помощь со стороны органов советской власти и местных организаций была представлена также отдельными случаями. Постоянным было выделение пайков для усиленного дополнительного (диетического) питания для детей бывших польских граждан²²⁴.

6 июля 1945 г. между Правительством СССР и Временным Правительством национального единства Польской республики было подписано соглашение «о праве на выход из советского гражданства лиц польской и еврейской национальностей, проживающих в СССР, и об их эвакуации в Польшу, и о праве на выход из польского гражданства лиц русской, украинской, белорусской, русинской и литовской национальностей, проживающих на территории Польши, и об их эвакуации в СССР»²²⁵. Согласно нему право на оптацию имели поляки и евреи, бывшие к 17 сентября гражданами Польши, а также члены их семей независимо от национальности.

По всей стране, как в СПП, так и в Упрособторге началась подготовка к репатриации. В первую очередь, изменился обслуживаемый контингент: если раньше помощь оказывалась всем бывшим польским гражданам независимо от национальности, то теперь благотворительные грузы прибывают именно для будущих репатриантов, то есть для поляков и евреев. Украинцы и белорусы, численность которых доходила до 20 %, а в отдельных местностях

²²⁴ Напр.: ОГАЧО. Ф. Р-1038. Оп. 2. Д. 5. Л. 45.

²²⁵ Документы и материалы по истории советско-польских отношений. — т. 8. — М.: Наука, 1974. — с. 467—471.

могла доходить и до 60 %²²⁶, фактически утратили возможность получать помощь.

Если в марте 1945 г. обслуживаемый контингент челябинского уполномоченного по всем областям оценивался в 32 135 человек, то к декабрю он сократился до 23 500 человек, при этом оставаясь завышенным. По Челябинской области он включал, по-видимому, всех бывших польских граждан — 10 500 человек, впрочем, к январю эта ошибка была исправлена, и количество репатриантов в области стало оцениваться в 7 500 человек²²⁷.

С конца 1945 г. стали поступать благотворительные товары для будущих репатриантов. Они представляли собой две категории. Первая являлась продолжением прежних поступлений товаров от зарубежных польских и еврейских общественных организаций и отличалась появившимся указанием о предназначении исключительно для репатриантов, т.е. поляков и евреев, по характеру товаров состояла преимущественно из ношенной одежды и обуви²²⁸. Вторая категория является совершенно новой и представляла собой продовольственные товары ЮНРРА, выделенные Временным правительством национального единства для помощи репатриантам²²⁹.

Аппарат уполномоченного был загружен работой. Принималась, распределялась и отправлялась обувь (отправлено 122 ящика для всех обслуживаемых областей), пальто (1209 мужских и 2093 женских) и другие товары²³⁰.

²²⁶ ОГАЧО. Ф. Р-1038. Оп. 1. Д. 7. Л. 10-11.

²²⁷ ОГАЧО. Ф. Р-1038. Оп. 1. Д. 6. Л. 5, 38. Там же. Д. 7. Л. 53. Там же. Д. 17. Л. 35-35об.

²²⁸ ОГАЧО. Ф. Р-1038. Оп. 1. Д. 6. Л. 3.

²²⁹ ОГАЧО. Ф. Р-1038. Оп. 1. Д. 6. Л. 6.

²³⁰ ОГАЧО. Ф. Р-1038. Оп. 1. Д. 6. Л. 3. Там же. Д. 8.

Однако ещё больше было получено продуктов ЮНРРА: 59 500 кг рыбных консервов, 38 160 кг концентрированного молока и сахар. При этом консервы предназначались для выдачи абсолютно всем репатриантам (их выдавали даже советским гражданам, выезжающим в составе семей репатрируемых). Выдача осуществлялась в два этапа: непосредственно после получения раздавалось 65 % консервов, а оставшиеся 35 % выдавались при формировании эшелонов²³¹. Таким образом, каждый человек (включая детей) получал примерно по 7–10 банок консервов (рыба и молоко).

Таким образом, после периода значительного сокращения объёмов поступающих грузов и соответствующего сокращения штата аппарата уполномоченного со второй половины 1945 г. проводится масштабная подготовка к репатриации. На этом этапе, с одной стороны, произошло сокращение обслуживаемого контингента до числа репатрируемых, а с другой, все они получали продуктовую помощь, а нуждающиеся — одежду и обувь.

²³¹ ОГАЧО. Ф. Р-1038. Оп. 1. Д. 6. Л. 6. Там же. Д. 55.

2.4. Организация и деятельность мастерской Упрособторга в Челябинске

Руководство производственно-бытовыми предприятиями являлось одной из основных функций уполномоченного согласно положению об уполномоченном. По этому положению ему предоставлялось право основания таких предприятий, а указания о непосредственной организации поступали из Упрособторга. В 1944 г. у 8 уполномоченных работало 13 мастерских, а в 1945—1946 всего в системе Упрособторга их насчитывалось уже 20²³². При сокращении поступления благотворительных грузов уполномоченные концентрировали своё внимание как раз на работе мастерских.

Указания об организации мастерских Корнильцев получил от инспектора Новиковой ещё при организации аппарата в Челябинске. 20 сентября 1944 г. Упрособторг сообщил об утверждении средств на организацию двух мастерских (швейной и сапожной в Челябинске) и двух столовых (вероятно, в Челябинске и Уфе) в общем размере 14 тысяч рублей²³³. По расчётам же Корнильцева на организацию одной только столовой требовалось 20 815 рублей²³⁴. В этом наметилась точка конфликта Корнильцева с Упрособторгом: Корнильцев мыслил в масштабе гораздо больших средств, чем те, которые реально мог предоставить Упрособторг.

²³² Пиримкулов Ш. Д. Трудовая деятельность и социальное обеспечение польских эмигрантов в СССР в 1943—1946 годах // Советское славяноведение. — 1978. — № 2. — с. 95.; Калениченко П. М. Польська прогресивна еміграція в СРСР в роки другої світової війни. — Київ: Видавництво Академії наук Української РСР, 1957. — с. 173.

²³³ ОГАЧО. Ф. Р-1038. Оп. 2. Д. 4. Л. 72.

²³⁴ ОГАЧО. Ф. Р-1038. Оп. 2. Д. 4. Л. 68-69.

Впрочем, некоторые шаги по организации предпринимались. Так 23 октября областной СПП рекомендовал Б. А. Унгера в качестве организатора мастерских²³⁵. И со второго ноября он был оформлен на работу на свободное место инспектора-контролёра бригадиром швейной и ремонтно-сапожной мастерских²³⁶. Областной СПП, заинтересованный в мастерских, старался помочь с организацией: имея информацию о наличии в Петропавловске швейных машин и кожаной подошвы, он сообщил об этом Корнильцеву, и тот 30 октября затребовал через Москву три машинки и подошву²³⁷.

Одновременно через Горсовет, Горисполком и Горжилуправление Корнильцев пытался найти помещение под мастерские в переполненном эвакуированными предприятиями и жителями Челябинске. Первоначально он был настроен весьма оптимистично: в конце октября, вероятно, для него было забронировано помещение площадью 60 м² по улице Карла Маркса, и в середине декабря вопрос о выделении рассматривался в Горсовете. Тем временем Корнильцев посылает расчёты плана на 1945 г. в двух вариантах: швейной мастерской на 22 900 руб. и сапожной на 74 300 руб., а в другом варианте уже швейной на 44 т. р. и сапожной на 118 т. р.²³⁸. Корнильцев докладывал в Москву, что мастерские будут открыты без затрат, поскольку есть специалисты из польских граждан со своим инструментом и своими швейными машинками. Предполагалось, что они будут заниматься реставрацией одежды и обуви²³⁹.

На самом рубеже 1944 и 1945 гг. помещение было выделено, однако уже через два дня Горисполком приказал его вновь освободить, а

²³⁵ ОГАЧО. Ф. Р-1038. Оп. 2. Д. 4. Л. 64.

²³⁶ ОГАЧО. Ф. Р-1038. Оп. 1. Д. 10. Л. 2об.

²³⁷ ОГАЧО. Ф. Р-1038. Оп. 2. Д. 4. Л. 67.

²³⁸ ОГАЧО. Ф. Р-1038. Оп. 1. Д. 6. Л. 80-81. Там же. Оп. 2. Д. 4. Л. 51, 61, 62, 66.

²³⁹ ОГАЧО. Ф. Р-1038. Оп. 1. Д. 6. Л. 80-81.

Горжилуправлению подыскать другое²⁴⁰. Корнильцев падает духом, и 3 января 1945 г. увольняет бригадира швейной и сапожной мастерских Унгера в связи с отсутствием помещения²⁴¹.

Тем временем начальник Упрособторга Холодилова со своей стороны активизирует деятельность по созданию мастерских в Челябинске. 9 января она даёт указание Петропавловску отправить в Челябинск четыре швейных машины, а Корнильцеву советует организовать при мастерских подсобное хозяйство²⁴².

3 февраля 1945 г. Холодилова критикует Корнильцева за недостаточную активность в изыскании помещения для мастерских и направляет письмо председателю горисполкома с просьбой о выделении помещения, ссылаясь на необходимость обслуживания членов семей военнослужащих и инвалидов Отечественной войны из числа польских граждан. Корнильцева, однако, это не активизировало, он оставляет на своей копии письма мрачную резолюцию: «Пока не будет средств и фондов на сырьё, ничего открыто не будет»²⁴³.

Второго марта он пишет довольно раздражённое письмо Холодиловой, в котором среди прочего вновь повторяет: «пока не будет средств, всякая организация отпадает»²⁴⁴. Возможно, это письмо явилось последней каплей — работать Корнильцеву оставалось считанные дни.

Одной из причин увольнения Корнильцева Холодилова в своём письме к нему называет плохую организацию снабжения польских граждан и невыполнение распоряжений по открытию мастерских²⁴⁵.

²⁴⁰ ОГАЧО. Ф. Р-1038. Оп. 1. Д. 6. Л. 52.

²⁴¹ ОГАЧО. Ф. Р-1038. Оп. 1. Д. 10. Л. 4.

²⁴² ОГАЧО. Ф. Р-1038. Оп. 1. Д. 6. Л. 54-55. Там же. Оп. 2. Д. 4. Л. 49.

²⁴³ ОГАЧО. Ф. Р-1038. Оп. 1. Д. 6. Л. 45об. Там же. Оп. 2. Д. 4. Л. 46.

²⁴⁴ ОГАЧО. Ф. Р-1038. Оп. 1. Д. 6. Л. 36.

²⁴⁵ ОГАЧО. Ф. Р-1038. Оп. 2. Д. 1. Л. 30.

Новый уполномоченный Упрособторга в Челябинске Погожева уже вскоре после своего назначения — в апреле 1945 г. запрашивает в Горжилуправлении и Горисполкоме помещение для мастерских площадью 30 м² и состоящее из двух комнат²⁴⁶. Те, в свою очередь, помещение обещали, но так и не выделили²⁴⁷.

Кроме того на этом этапе подготовки к открытию мастерских Погожева запрашивает из Кустаная хранящиеся там на складе иголки, нитки и иглы для швейных машин²⁴⁸. Несколько позже, уже в августе, Холодилова распорядилась выслать с кировской базы для челябинской мастерской 20 000 ручных иглолок и 1 000 напёрстков²⁴⁹. Таким образом, по крайней мере, этими двумя артикулами Челябинск был обеспечен, и даже мог снабжать ими польские детские дома²⁵⁰.

25 мая 1945 г. были приняты первые работники швейной мастерской: портной-закройщик Хай Гершевич Брейтман, работавший до этого в течение года заведующим швейной мастерской при станции Подземгаз (ныне Вахрушево), а до этого там же разнорабочим, и ученик портного Любовь Абрамовна Маркевич²⁵¹. Мастерская основывалась как хозрасчётная организация: средств на зарплату государство не отпускало, и затраты на зарплату и деятельность мастерской покрывались из стоимости выполнения заказов.

Погожева в это время готовится начать работу мастерской, и запрашивает из Москвы указания и инструкции, преЙскурант и журналы мод

²⁴⁶ ОГАЧО. Ф. Р-1038. Оп. 2. Д. 4. Л. 42-43.

²⁴⁷ ОГАЧО. Ф. Р-1038. Оп. 1. Д. 6. Л. 26.

²⁴⁸ ОГАЧО. Ф. Р-1038. Оп. 2. Д. 9. Л. 7.

²⁴⁹ ОГАЧО. Ф. Р-1038. Оп. 1. Д. 5. Л. 30.

²⁵⁰ ОГАЧО. Ф. Р-1038. Оп. 1. Д. 7. Л. 31. Там же. Д. 17.

²⁵¹ ОГАЧО. Ф. Р-1038. Оп. 1. Д. 10. Л. 13. Там же. Оп. 2. Д. 1. Л. 17.

на 1945 год²⁵². 1 июня на свободную должность инспектора-контролёра принят выпускник строительного техникума довоенной Польши Шаме (Шамай?) Давидович Гельб для исполнения обязанностей заведующего мастерской, т.к. штатный директор мастерской был положен только при большом количестве мастеров²⁵³.

10 июня мастерская начинает свою работу в помещении конторы, вначале временно, т.к. были надежды на обещанное помещение²⁵⁴. 23 июня принят портным Борис Семёнович Сегаль²⁵⁵.

По приказу Упрособторга от 16 июля 1945 г. с 1 августа произведено сокращение штата уполномоченного в Челябинске: кроме директора базы Козелкова и конюха Ярославцева был официально уволен и Гельб²⁵⁶.

По-видимому, имеющихся двух портных и одного ученика не хватало, и в июле было дано объявление о найме в мастерскую²⁵⁷. Не исключено, что на него откликнулись зачисленные с 1 августа в штат мастерской Иосиф Эльевич (Львович) Брик и Анатолий Хаймович (Хаимович?) Каташевский, перешедший со строительства ТЭЦ²⁵⁸.

1 октября 1945 г. был уволен Б. С. Сегаль с формулировкой «за неявку на работу без уважительных причин и за грубое обращение к работникам портновской мастерской, а также за прием заказов от частных лиц без оформления заказа через контору»²⁵⁹. Позже оказалось, что неявка на работу

²⁵² ОГАЧО. Ф. Р-1038. Оп. 1. Д. 6. Л. 26.

²⁵³ ОГАЧО. Ф. Р-1038. Оп. 1. Д. 9. Л. 109. Там же. Оп. 2. Д. 1. Л. 11.

²⁵⁴ ОГАЧО. Ф. Р-1038. Оп. 1. Д. 6. Л. 26. Там же. Оп. 2. Д. 4. Л. 28.

²⁵⁵ ОГАЧО. Ф. Р-1038. Оп. 1. Д. 9. Л. 112.

²⁵⁶ ОГАЧО. Ф. Р-1038. Оп. 1. Д. 10. Л. 17.

²⁵⁷ ОГАЧО. Ф. Р-1038. Оп. 1. Д. 56.

²⁵⁸ ОГАЧО. Ф. Р-1038. Оп. 1. Д. 5. Л. 43. Там же. Д. 9. Л. 85. Там же. Д. 10. Л. 17об.

²⁵⁹ ОГАЧО. Ф. Р-1038. Оп. 1. Д. 10. Л. 17об.

связана с тяжёлой болезнью и длительной госпитализацией в психолечебницу. Тогда в порядке помощи с него была списана задолженность за невыполненный заказ²⁶⁰.

На его место на должность портного-закройщика с первого же октября был принят Лейзер Абрамович Пельта²⁶¹.

С 5 октября был принят на временную работу Наум Моисеевич Стрелец в качестве сапожника-надомника²⁶². По сути, сапожной мастерской Упрособторга так и не появилось, и единственный сапожник продолжал работать кустарём, получая, однако, рабочие карточки.

На 1 ноября 1945 года по отчётным документам в швейной мастерской работал один портной-закройщик (Пельта) и два портных (Брик и Каташевский), тогда как рабочие карточки получали также Брейтман, Маркевич (портные) и Стрелец (сапожник)²⁶³. Правда в отчёте за 1945 год по швейной мастерской всё равно указывалось, что работал только один мастер и два вспомогательных рабочих, при этом отмечался недостаток квалифицированных рабочих и отсутствие удобного помещения. Всего же за июнь — декабрь 1945 г. мастерская выполнила заказов на 10 915 рублей. Так как предприятие было хозрасчётным, все доходы ушли на зарплату, ремонт и оборудование помещения, приобретение инвентаря (стол для закройки, шкаф, вешалки, зеркало и т.д.)²⁶⁴.

С 1 января 1946 г. был принят ещё один портной-закройщик Исак (Исаак?) Харитонович Кон, а с 3 января в качестве ученицы, очевидно, вместо Маркевич Александра Степановна Гусихина²⁶⁵.

²⁶⁰ ОГАЧО. Ф. Р-1038. Оп. 1. Д. 56.

²⁶¹ ОГАЧО. Ф. Р-1038. Оп. 1. Д. 10. Л. 19.

²⁶² ОГАЧО. Ф. Р-1038. Оп. 1. Д. 10. Л. 17об.

²⁶³ ОГАЧО. Ф. Р-1038. Оп. 1. Д. 5. Л. 43. Там же. Д. 9. Л. 64.

²⁶⁴ ОГАЧО. Ф. Р-1038. Оп. 1. Д. 56. Там же. Оп. 2. Д. 4. Л. 3.

²⁶⁵ ОГАЧО. Ф. Р-1038. Оп. 2. Д. 1.

25 января Холодилова спускает план мастерской на 1946 г., составивший 50 т.р. (швейное производство 30 т.р., обувное 15 т.р., трикотажное 5 т.р.)²⁶⁶

1 марта в связи с начинающейся репатриацией Холодилова рассылает уполномоченным разъяснения о том, что производственно-бытовые предприятия должны работать вплоть до ликвидации института уполномоченных Наркомторга, после чего должны быть переданы местным торгующим организациям. Для выполнения плана рекомендовалось при отсутствии заказов от польских граждан принимать заказы от местного населения, а при репатриации работников мастерских принимать на работу советских граждан²⁶⁷.

8 мая Холодилова повышает план Челябинской мастерской до 80 т.р. (швейное производство 45 т.р., обувное 20 т.р., трикотажное 15 т.р.)²⁶⁸.

Однако уже к концу мая установка меняется, и в связи с отъездом работников мастерская ликвидируется, её имущество передаётся спецторгу²⁶⁹.

Так как итоговые отчётные документы за 1946 год не выявлены, сложно оценить итоги работы мастерской. Но и по имеющимся данным видно, что мастерская Упрособторга в Челябинске успешно выполняла задачу по улучшению положения польских граждан в Челябинской области путём пошивки новых вещей, ремонта старых и подгонке получаемых в качестве благотворительной помощи. Польские граждане имели возможность без очередей и талонов воспользоваться услугами портных. Отдельной

²⁶⁶ ОГАЧО. Ф. Р-1038. Оп. 2. Д. 4.

²⁶⁷ ОГАЧО. Ф. Р-1038. Оп. 2. Д. 4.

²⁶⁸ ОГАЧО. Ф. Р-1038. Оп. 2. Д. 4.

²⁶⁹ ОГАЧО. Ф. Р-1038. Оп. 1. Д. 56.

важной задачей мастерской было изготовление одежды для воспитанников польского областного детского дома²⁷⁰.

²⁷⁰ ОГАЧО. Ф. Р-1038. Оп. 1. Д. 56. Там же. Оп. 2. Д. 4. Л. 3.

ГЛАВА 3. Оптация и репатриация польских граждан из Челябинской области

3.1. Организация оптации

Проблемы репатриации и связанной с ней оптации начали разрабатываться ещё в годы войны по мере освобождения территорий Советского Союза и Польши. Первоначально 9 сентября 1944 г. Польский Комитет Национального Освобождения подписал соглашения с УССР и БССР, а 24 сентября — также с Литовской ССР об обмене населением. Из Польши могли переселиться украинцы, белорусы, русские, русины, литовцы, а из трёх советских республик — поляки и евреи, состоявшие в польском гражданстве до 17 сентября 1939 года²⁷¹.

Когда польские семьи начали готовиться к переезду, они стали через Комитет по учёту и распределению рабочей силы вызывать своих родственников, мобилизованных в 1944 году на работы на промышленные предприятия и стройки Советского Союза. Так, в Челябинске в ОСМЧ-22 и на ферросплавном заводе работали поляки, мобилизованные из Ровенской области. Через городское бюро по учёту и распределению рабочей силы принимались меры по их освобождению и отправке к семьям²⁷².

6 июля 1945 г. было подписано соглашение между Временным Правительством национального единства Польской Республики и Правительством СССР об обмене населением. Польша предоставляла право выхода из своего гражданства лицам русской, украинской, белорусской, русинской и литовской национальности, а СССР — лицам польской и еврейской, состоявшим в польском гражданстве на 17 сентября 1939 года. С

²⁷¹ Документы и материалы по истории советско-польских отношений. М., 1974. Т. 8. С. 213—219.

²⁷² ОГАЧО. Ф. Р-220. Оп. 13. Д. 19. Л. 21—24, 71—74, 76, 82, 115, 143.

переселяющимися могли ехать члены их семей независимо от национальности²⁷³.

Первоначально срок подачи заявлений был установлен до 1 ноября 1945 года, а срок переселения — до 1 января 1946 г. Однако, 11 ноября 1945 г. Дополнительным протоколом к Соглашению срок подачи заявлений был продлён до 1 января 1946 г., а срок переселения — до 15 июня 1946 г.²⁷⁴. Вероятно, позднее срок подачи заявлений был ещё раз продлён до 1 июня²⁷⁵. Отправку же, согласно указаниям заместителя председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгина, следовало завершить до 1 июля²⁷⁶.

В июле 1945 г. на основании Соглашения была образована Смешанная советско-польская комиссия по эвакуации. В советскую делегацию Комиссии вошли А. М. Александров (председатель), Т. Прокофьев (заместитель) и полковник Ю. Антипов (позднее — майор Л. Иванов). Польскую делегацию составили Г. Вольпе (председатель), А. Юшкевич и И. Кучиньская²⁷⁷.

Советская и польская делегации, хотя и собирались на общие заседания и активно взаимодействовали, чаще работали отдельно друг от друга и решали многие рабочие вопросы через другие структуры (СНК СССР, Главное переселенческое управление РСФСР с советской стороны и СПП с польской).

На местах были назначены представители Комиссии. В Челябинской области уполномоченным советской делегации стал заместитель председателя облисполкома М. В. Татьянанин, а уполномоченным польской

²⁷³ Документы и материалы... М., 1974. Т. 8. С. 467—468.

²⁷⁴ Там же. С. 468—469, 592;

²⁷⁵ ОГАЧО. Ф. Р-274. Оп. 20. Д. 12. Л. 231.

²⁷⁶ Там же. Л. 189.

²⁷⁷ Głowacki A. Ocalić i repatriować: Opieka nad ludnością polską w głębi terytorium ZSRR (1943—1946). Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 1994. S. 209; Документы и материалы... М., 1974. Т. 8. С. 472; ОГАЧО. Ф. Р-274. Оп. 20. Д. 12. Л. 188, 200.

делегации был назначен А. М. Вакс, до этого бывший председателем комиссии содействия (комиссии общественной помощи СПП)²⁷⁸.

Необходимо отметить, что в начале 1943 года в Челябинской области (в современных границах) Народным комиссариатом внутренних дел было учтено 10 257 бывших польских граждан²⁷⁹. Позднее часть из них была призвана или вступила добровольно в польские вооружённые силы в СССР, однако в область прибывали новые контингенты бывших польских граждан, в первую очередь, крестьяне из западных областей Украины и Белоруссии, мобилизованные на работу в уральской промышленности²⁸⁰. Поэтому, по оценке Союза польских патриотов, общая численность принципиально не изменилась и составляла в конце 1945 года 10,5 тысяч человек²⁸¹. На 24 января 1946 года, когда уже точно было известно, что украинцы и белорусы репатриации в «новую» Польшу не подлежат, СПП оценивал общее количество репатриантов в 7 500 человек²⁸². Как стало ясно несколько позднее, эта цифра оказалась немного заниженной.

10 ноября 1945 г. СНК СССР принял постановление № 2863-830сс об организации областных (краевых, республиканских) специальных комиссий по репатриации. В Челябинской области такая комиссия была создана решением № 39 суженного состава облисполкома от 3 декабря 1945 года. В её состав вошли М. В. Татянин (председатель) и члены комиссии: заместитель начальника УНКВД и начальник областного управления милиции Розов, заместитель начальника УНКГБ Хвостовский и заместитель

²⁷⁸ ОГАЧО. Ф. Р-274. Оп. 20. Д. 12. Л. 188, 200; Там же. Ф. Р-1038. Оп. 1. Д. 2. Л. 23.

²⁷⁹ Катынь. Март 1940 г. — сентябрь 2000 г.: Расстрел. Судьбы живых. Эхо Катыни. Документы / гл. ред. В. П. Козлов. М., 2001. С. 458—460.

²⁸⁰ ОГАЧО. Ф. Р-220. Оп. 13. Д. 19. Л. 21; Там же. Ф. Р-274. Оп. 20. Д. 12. Л. 230; AAN. ZPP. Sygn. 75. S. 45—45 zwrot.

²⁸¹ ОГАЧО. Ф. Р-1038. Оп. 1. Д. 6. Л. 5; Д. 7. Л. 53; Д. 17. Л. 35—35 об.

²⁸² Там же. Д. 7.

областного прокурора Ф. М. Звонарев. С начала мая 1946 года М. В. Татьяна сменил другой заместитель председателя облисполкома С. К. Борисов, хотя это, по-видимому, не было оформлено официальными постановлениями²⁸³.

Главными задачами комиссии были оптирование — утверждение списков подававших прошение о выходе из советского гражданства и репатриация — организация отправки польских граждан на родину²⁸⁴. То есть областные комиссии не только осуществляли распорядительные функции по переселению, но и подменяли собой Комиссию Президиума Верховного Совета СССР по рассмотрению вопросов приема, выхода и лишения гражданства СССР.

С 15 декабря 1945 г. по 15 июня 1946 г. областная комиссия провела 24 заседания. По имеющимся данным 23 заседаний, на них обязательно присутствовал заместитель председателя облисполкома (сначала М. В. Татьянин, затем С. К. Борисов), представитель (чаще всего начальник) спецчасти облисполкома, так как спецчастью велась вся документация работы комиссии, и работники областного управления милиции, которые представляли списки бывших польских граждан. Заместитель прокурора области Ф. М. Звонарев пропустил 5 заседаний, заместитель начальника УНКГБ Хвостовский — 6 заседаний. На трёх заседания присутствовал начальник переселенческого управления облисполкома С. Н. Кудрявцев, и всего на одном — председатель областного правления СПП М. Л. Розен²⁸⁵.

Основную работу по оптированию вело управление милиции, в первую очередь, ОВИР. Оно принимало заявления на выход из советского гражданства и подтверждения обоснованности такого заявления, составляло

²⁸³ Там же. Ф. Р-274. Оп. 20. Д. 12. Л. 29.

²⁸⁴ Там же. Д. 8. Л. 117.

²⁸⁵ Там же. Д. 12, Л. 1-36.

списки подавших заявления и представляло их на заседаниях комиссии. ОВИР выдавал бланки эвакуационных удостоверений, заполнением которых на русском языке занималась спецчасть облисполкома, а на польском — представители СПП. Затем заполненные удостоверения пересылались через отделения милиции и выдавались репатриантам на местах²⁸⁶. Первоначально одно удостоверение выдавалось на целую семью, но 14 февраля 1946 г. советская делегация разослала разъяснение о том, что удостоверение должно выдаваться каждому совершеннолетнему, а дети должны вписываться в удостоверение главы семьи²⁸⁷.

Для признания за человеком права на выход из советского гражданства достаточно было любого польского документа: справки, квитанции, военного билета и т.д. Годились также советские справки об амнистии для бывших польских граждан или документы о службе в Войске Польском. Для жён вне зависимости от гражданства на 17 сентября 1939 г. хватало справки о бракосочетании²⁸⁸. Но в Челябинской области только 2,5 тысячи человек смогли пройти оптацию с помощью польских документов²⁸⁹. У остальных никаких польских документов не сохранилось. Чтобы дать таким людям возможность репатрироваться, при продлении сроков подачи заявлений 11 ноября 1945 г. процедура оптации была немного упрощена. Теперь достаточным основанием стали считаться также утверждённые СПП показания двух свидетелей о проживании заявителя в Польше²⁹⁰. Правда, до Челябинской комиссии это положение дошло только к марту 1946 года, когда она стала подтверждать право на репатриацию не имеющих документов по

²⁸⁶ Там же. Л. 96, 209, 211, 212, 236, 237, 248 об., 266, 267, 269.

²⁸⁷ Там же. Л. 198.

²⁸⁸ См. напр.: ОГАЧО. Ф. Р-274. Оп. 20. Д. 14. Л. 157. Там же. Д. 15. Л. 55.

²⁸⁹ AAN. ZPP. Sygn. 75. S. 47.

²⁹⁰ Głowacki A. Ocalić i repatriować... S. 214.

показанию свидетелей²⁹¹. Показания оформлялись специальным актом²⁹². Судя по всему, получить такое подтверждение было несложно, и люди охотно свидетельствовали за своих соседей по бараку²⁹³.

Всего комиссией было учтено 8 084 человека, имеющих право на репатриацию. Правда, это число не включало воспитанников польского детского дома, то есть общее количество составляло около 8 144 человек. Из 8 084 человек комиссия разрешила выход из советского гражданства и выезд в Польшу 8 025 людям, отказала в семи случаях. Остальные, по-видимому, заявлений на выход из советского гражданства не подавали²⁹⁴.

По данным СПП, шесть отказов приходилось на случаи, когда глава семьи был непольской национальности и не имел польского гражданства до 1939 года²⁹⁵.

Какие были мотивы для репатриации? Многие, особенно евреи, серьёзно задумывались, стоит ли возвращаться в Польшу²⁹⁶. Всё же большая часть, поддавшись общему настрою, решила вернуться.

Главным декларируемым фактором являлось наличие родственников. И если у поляков родственники в Польше оставались, то для евреев всё было не так однозначно. Люди писали домой, стараясь узнать, уцелел ли кто-то из родных. Если никого не удавалось отыскать, то зачастую люди не видели смысла возвращаться. Но как только появлялись сведения о выживших — решение сразу могло поменяться²⁹⁷.

²⁹¹ ОГАЧО. Ф. Р-274. Оп. 20. Д. 12. Л. 7, 12—14; Там же. Д. 15. Л. 131.

²⁹² AAN. ZPP. Sygn. 920. S. 100.

²⁹³ ОГАЧО. Ф. Р-274. Оп. 20. Д. 12. Л. 231.

²⁹⁴ Там же. Л. 186.

²⁹⁵ AAN. ZPP. Sygn. 75. S. 48.

²⁹⁶ Напр.: Moszkowicz B. Na spotkanie rzeczywistości. Stockholm: Polonica, 1996. S. 78.

²⁹⁷ ОГАЧО. Ф. Р-274. Оп. 20. Д. 12, Л. 236, 237; Д. 13. Л. 162, 164.

Желание остаться могло формулироваться и следующим образом: «...я уже 7 лет проживаю в Советском Союзе и привык к советским законам, поэтому желаю принять советское гражданство навсегда»²⁹⁸.

Репатриация (и оптация) были добровольными. Однако со стороны СПП существовала, скорее, агитация за выезд. Обратные случаи наблюдались, по-видимому, со стороны местных советских организаций, которые не хотели терять нужных им людей²⁹⁹.

²⁹⁸ Там же. Д. 12, Л. 240.

²⁹⁹ Sternfeld G. Chocolate to Anzac Biscuits. Sydney: Sydney Jewish Museum, 2009. 347 s.

3.2. Проблемы репатриации

Помимо процедурных и организационных вопросов проведение репатриации большого количества людей было связано со значительными материальными затратами. Часть из них покрывалась самими польскими гражданами в порядке взаимопомощи. Как пишет А. Гловацкий, каждое областное правление собирало свой репатриационный фонд, который составлялся из добровольных взносов польских граждан. Судя по всему, Челябинская область считалась благополучным регионом, так как получила наряду с Алтайским краем максимальный план в 500 000 рублей³⁰⁰. Но удалось собрать чуть более 368 тысяч рублей. Кроме того ещё 50 000 рублей было получено от Смешанной советско-польской комиссии по эвакуации. Большая часть всех этих денег была потрачена на материальную помощь репатриантам³⁰¹.

Например, в Новозлатоустовском районном правлении СПП для сбора репатриационного фонда устроили вещевую лотерею. В ней разыгрывали мандолину, медный чайник, жестяную миску, детские санки, а также шапки, носки, кисеты, гребни, водку, папиросы и многое другое. Было собрано более 11 тысяч рублей, которые пошли в репатриационный и организационный фонды³⁰².

По мере подачи заявлений, утверждения их комиссией и выдаче эвакуационных удостоверений, подготавливалась отправка репатриантов эшелонами.

³⁰⁰ ААН. ZPP. Sygn. 75. S. 2; Głowacki A. Ocalić i repatriować... S. 217—218.

³⁰¹ ААН. ZPP. Sygn. 492. S. 149.

³⁰² ААН. ZPP. Sygn. 914. S. 193, 195, 198.

Областная комиссия обязана была регулярно телеграфировать в СНК количество утверждённых на репатриацию и места их проживания³⁰³. Основываясь на этих данных, Переселенческое управление РСФСР планировало отправку эшелонов и через СНК РСФСР давало указания НКПС о подаче и движении вагонов³⁰⁴.

Опыт организованной реэвакуации был у переселенческого отдела облисполкома. По данным М. Н. Потёмкиной масштабная реэвакуация начинается с 1943 года³⁰⁵. При этом не все выезжали организованным порядком. Одна часть возвращалась самостоятельно в пассажирских поездах, другую же отправляли предприятия в собственных вагонах. При этом, например, работники Магнитогорского металлургического комбината и треста «Магнитострой» могли взять с собой все свои вещи, включая мебель³⁰⁶. И только меньшая часть отправлялась переселенческим отделом. Из Златоуста в 1945 г. всего около 1/10 всех выезжающих к прежнему месту жительства было отправлено местным эвакоотделом³⁰⁷. В основном, таким образом реэвакуация производилась по специальным постановлениям СНК СССР в определённые области и республики: в Ленинградскую область, Карело-Финскую ССР, Эстонскую ССР и т.д.

При репатриации польских граждан предполагалось, что основная их часть будет отправлена организованно. В 1945 году выезды в Польшу носят ещё единичный характер³⁰⁸. Так, в конце 1945 г. по вызову Польского посольства выехал Александр Домагальский, председатель Саткинского

³⁰³ ОГАЧО. Ф. Р-274. Оп. 20. Д. 12. Л. 187.

³⁰⁴ Там же. Л. 291; Д. 13. Л. 54, 284.

³⁰⁵ Потёмкина М. Н. Эваконаселение в уральском тылу (1941 — 1948 гг.). Магнитогорск. 2006. С. 176.

³⁰⁶ ОГАЧО. Ф. Р-1142. Оп. 1. Д. 193. Л. 1 об.

³⁰⁷ Там же. Л. 8.

³⁰⁸ Там же. Ф. Р-1038, Оп. 1, Д. 2, Л. 69.

районного правления СПП, а в прошлом — известный деятель рабочего движения³⁰⁹. Массовая организованная отправка проводится в 1946 году.

Согласно распоряжению № 3 облисполкома от 19 января 1946 г. переселенческий отдел должен был подготовить на территории бывшего переселенческого пункта в Челябинске общежития на 1000 человек для временного размещения репатриантов³¹⁰. В итоге был организован эвакуационный пункт на 100 мест, через который прошло около 250 человек³¹¹. Можно предполагать, что остальные во время формирования эшелонов проживали в вагонах. СПП создавал на эвакуационном пункте бригаду из своих активистов для ведения политико-просветительской и культурно-массовой работы при отправке эшелонов³¹².

Всюду перед отъездом силами СПП и местных советских и партийных организаций устраивались торжественные прощальные вечера, служившие выражением советско-польской дружбы³¹³. На прощальный банкет в Челябинске было потрачено почти 7 тысяч рублей из репатриационного фонда³¹⁴.

Для организации отправки вагонов из районов области челябинская комиссия назначала уполномоченных из работников областных учреждений (УНКВД, УНКГБ, областная прокуратура, облисполком и т.д.). Уполномоченным в Челябинске был назначен начальник переселенческого отдела облисполкома С. Н. Кудрявцев. Именно уполномоченные были ответственны за отправку репатриантов со станций погрузки, хотя работали в

³⁰⁹ Там же. Ф. Р-274. Оп. 20. Д. 12. Л. 230.

³¹⁰ Там же. Д. 11. Л. 3.

³¹¹ AAN. ZPP. Sygn. 75. S. 48.

³¹² ОГАЧО. Ф. Р-274. Оп. 20. Д. 12. Л. 202.

³¹³ Напр.: AAN. ZPP. Sygn. 75. S. 50–51; Пастернак В. Счастливого пути // Слово колхозника. 1946. 21 апреля.

³¹⁴ AAN. ZPP. Sygn. 492. S. 149.

тесном контакте с местными организациями³¹⁵. На местах отправку организовывали эвакуотделы городских и районных исполнительных комитетов. Подвозка репатриантов к станциям погрузки производилась, в основном, транспортом предприятий³¹⁶.

Только четвёртый эшелон целиком формировался в Магнитогорске. У остальных эшелонов было от 5 до 17 станций формирования. Из-за такой раздробленности на формирование эшелона уходило от пяти до двадцати одних суток³¹⁷.

Эшелоны были составлены почти исключительно из двухосных крытых грузовых вагонов. По нормам перевозки воинского эшелона в них полагалось перевозить 32–36 человек, но по инструкции переселенческого управления РСФСР и Советской делегации норма посадки репатриантов была установлена в 20–25 человек с ручным багажом³¹⁸. Средняя наполняемость при отправке из Челябинской области составила 22 человека, и только в последнем эшелоне, отвозившем всех оставшихся, на вагон в среднем приходилось почти 25 человек³¹⁹.

Такое увеличение средней наполняемости вагона могло произойти из-за того, что по состоянию на 30 мая по данным областного правления СПП численность оставшихся репатриантов составляла около 700 человек, соответственно под неё было забронировано 30 вагонов³²⁰. В итоге их оказалось на сотню человек больше, и все разместились в 32 вагонах³²¹.

³¹⁵ ОГАЧО. Ф. Р-274. Оп. 20. Д. 12. Л. 8, 85 об, 293, 328 об.

³¹⁶ Там же. Л. 165, 266.

³¹⁷ Там же. Ф. 1142. Оп. 1. Д. 199. Л. 2.

³¹⁸ Там же. Ф. Р-274. Оп. 20. Д. 12. Л. 86.

³¹⁹ Подсчитано по: ОГАЧО. Ф. Р-274. Оп. 20. Д. 12. Л. 85, 85 об., 91, 267; Д. 13. Л. 3, 4, 50, 59, 175, 178, 215, 221, 223, 259, 260, 265, 285, 288.

³²⁰ ААН. ZPP. Sygn. 921. S. 202.

³²¹ ОГАЧО. Ф. Р-274. Оп. 20. Д. 13, Л. 285, 288.

В пассажирском четырёхосном вагоне отправлялся только областной польский детский дом со станции Нижнеувельская³²².

Каждый грузовой вагон, предназначенный для перевозки людей, оборудовался деревянными одинарными или двухъярусными нарами, лестницей, фонарём со свечой, ведром, оконными рамами. Кроме того вагоны, отправляемые в феврале, марте и апреле, оборудовались железными печками, ящиками для угля, углём, дровами, совками и кочергами. Впрочем, иногда недоставало вёдер, ящиков, фонарей и лестниц³²³.

Вероятно, углём и дровами эшелоны снабжались недостаточно, так как областное правление СПП закупало в дорогу дрова, уголь и торфяные брикеты³²⁴.

Согласно Протоколу к Советско-Польскому соглашению от 6 июля 1945 г. репатрианты могли взять личные вещи в размере до двух тонн на семью для сельского населения и до одной тонны для городского³²⁵. Поскольку большинство польских граждан в Челябинской области проживало в городах, семьи брали с собой до тонны багажа, при этом одиночки нередко везли всего по 20–30 кг вещей³²⁶. В первых четырёх эшелонах следовали багажные вагоны для перевозки крупногабаритных грузов³²⁷. Так, например, каждая четвёртая семья (включая одиночек),

³²² ОГАЧО. Ф. Р-274. Оп. 20. Д. 13, л. 178.

³²³ ОГАЧО. Ф. Р-274. Оп. 20. Д. 12. Л. 84, 85, 88, 253, 266, 328; Д. 13. Л. 13, 14, 59, 128, 133, 218, 221, 259.

³²⁴ AAN. ZPP. Sygn. 370. S. 186–188.

³²⁵ Документы и материалы... М., 1974. Т. 8. С. 471; ОГАЧО. Ф. Р-274. Оп. 20. Д. 12. Л. 176.

³²⁶ См. напр.: ОГАЧО. Ф. Р-274. Оп. 20. Д. 12. Л. 56—68, 78—82 об.

³²⁷ ОГАЧО. Ф. Р-274. Оп. 20. Д. 12. Л. 85, 85 об.; Д. 13. Л. 4, 178, 259.

выезжающая первым эшелоном из Магнитогорска, везла с собой швейную машину³²⁸.

Одним из важнейших вопросов было санитарно-медицинское обслуживание. Необходимо было не допустить распространения заразных заболеваний и довести репатриантов до границы живыми и здоровыми.

В соответствии с постановлениями СНК СССР № 146-61с от 25 января и СНК РСФСР № 79-21с от 5 февраля 1945 года суженный состав облисполкома 23 и 28 февраля 1945 года запретил перевозку людских контингентов без составления санитарного паспорта, проведения дезинфекционно-санитарной обработки людей и вагонов³²⁹. Поэтому к 1946 году процедуры были отработаны.

Все репатрианты проходили медосмотр, санитарную обработку, дезинфекционную обработку вещей, они также получали прививки против оспы и брюшного тифа и фагирование³³⁰. От поездки отстранялись больные заразными заболеваниями и контактировавшие с ними, до прохождения карантина³³¹. Также иногда врачи не разрешали выезжать женщинам на больших сроках беременности или сразу после родов³³². Воспитанники польского детского дома проходили медосмотр и вакцинацию в Увельской районной больнице, где определялось, каково состояние здоровья каждого ребёнка и может ли он перенести дальнюю дорогу³³³.

Все вагоны перед посадкой проходили санитарную обработку и принимались по акту уполномоченным областной комиссией, санитарным

³²⁸ Там же. Д. 12. Л. 56—68.

³²⁹ Там же. Д. 8. Л. 14—15 об., 18, 18 об.

³³⁰ Там же. Д. 12. Л. 40, 42, 47, 86, 87, 166, 174, 175, 248, 252, 266, 267, 269 об.; Д. 13. Л. 111, 134, 143, 165, 165 об., 219, 259, 289, 318.

³³¹ Там же. Д. 12. Л. 174, 248 об., 269 об.

³³² Там же. Л. 266.

³³³ Там же. Ф. Р-1000, Оп. 2-л, Д. 254, Л. 1—8.

инспектором, врачом эшелона и начальником эшелона, на каждой станции отправки составлялся санитарный паспорт³³⁴.

В пути эшелон проверялся на санитарно-контрольных пунктах, а репатрианты периодически должны были проходить санобработку. Однако имеются данные лишь об одной санобработке в Сызрани во время замены неисправного вагона. В остальных случаях санобработку в пути провести не удавалось по причине отсутствия на станциях бани или непродолжительности стоянки. Несмотря на это, инфекционных заболеваний в пути не было, на санитарно-контрольных пунктах педикулёз не выявляли, и санитарное состояние эшелонов оставалось, как минимум, удовлетворительным³³⁵. Единственное исключение — девять вагонов магнитогорского формирования эшелона ПН-73, санитарное состояние которых в Челябинске признали неудовлетворительным; впрочем, впоследствии к ним никаких претензий не предъявлялось³³⁶.

Согласно инструкциям Наркомздрава СССР каждый эшелон должны были сопровождать медицинские работники: при количестве репатриантов 200–500 человек — фельдшер; 500–1000 человек — фельдшер и медсестра; более тысячи — врач, фельдшер и медсестра. Медицинские работники выделялись из состава репатриантов, а при отсутствии таковых — направлялись местными лечебными учреждениями. СПП брал на учёт всех медработников, в Магнитогорске и Миассе были специально организованы курсы медсестёр³³⁷.

Шесть эшелонов из Челябинской области, в которых было более 1000 человек, сопровождалась врачами, в седьмом, насчитывавшем 791 человек,

³³⁴ Там же. Ф. Р-274. Оп. 20. Д. 12. Л. 267, 269 об., 328, 328 об.; Д. 13. Л. 13, 14, 17, 18, 55, 78, 128, 143, 219, 221, 221 об., 289, 318, 325.

³³⁵ Там же. Д. 12. Л. 216; Д. 13. Л. 3 об., 10, 17 об., 220 об., 259, 264, 264 об.

³³⁶ Там же. Д. 13. Л. 13, 14.

³³⁷ Там же. Д. 12. Л. 164, 174, 248 об.; ААН. ZPP. Sygn. 912. S. 143; Sygn. 75. S. 68.

следовал фельдшер. Обычно в каждом эшелоне было несколько медсестёр, акушерок и санитарок³³⁸.

Обязательно в составе каждого эшелона находился вагон-изолятор на две—четыре койки³³⁹. Медикаменты и другое медицинское имущество, в основном, выделялись органами здравоохранения³⁴⁰. Часть же выдавалась Упрособторгом из благотворительных товаров и часть приобреталась Союзом польских патриотов³⁴¹. Из средств репатриационного фонда было закуплено медикаментов более чем на 9 тысяч рублей³⁴². Медицинская помощь оказывалась в пути в вагонах-изоляторах, тяжелобольных снимали с поезда и доставляли в лечебные учреждения³⁴³.

По имеющимся данным, из семи эшелонов по болезни был снят 21 человек, умерло двое, четверо родилось³⁴⁴. Таким образом, комплексом проведённых мероприятий удалось предотвратить появление массовых заболеваний и повышенную смертность.

Как было организовано питание в пути? Прежде всего, перед отправкой эшелона все репатрианты получали за наличный расчёт сухой паёк на 15 дней из расчёта в день: 500 г хлеба, 40 г крупы, 60 г мяса и по 13,5 г сахара и жиров. Кроме того местные органы могли их снабжать дополнительными товарами. Так, в Бредах выдавали по 2 литра молока на человека³⁴⁵.

³³⁸ ОГАЧО. Ф. Р-274. Оп. 20. Д. 12. Л. 87, 248 об., 269 об., 267; Д. 13. Л. 55, 219, 259, 289; Głowacki A. Ocalić i repatriować... S. 225.

³³⁹ ОГАЧО. Ф. Р-274. Оп. 20. Д. 12. Л. 85, 157, 175, 328; Д. 13. Л. 59, 178, 219, 221, 288; Ф. Р-1038. Оп. 1. Д. 55.

³⁴⁰ Там же. Ф. Р-274. Оп. 20. Д. 12. Л. 174, 248 об., 267, 259.

³⁴¹ Там же. Ф. Р-1038. Оп. 1. Д. 56; ААН. ZPP. Sygn. 922. S. 8; Sygn. 75. S. 2, 68; Głowacki A. Ocalić i repatriować... S. 224.

³⁴² ААН. ZPP. Sygn. 492. S. 149.

³⁴³ ОГАЧО. Ф. Р-274. Оп. 20. Д. 12. Л. 78, 91; Д. 13. Л. 9, 50, 175, 259.

³⁴⁴ Там же. Д. 12. Л. 78, 91; Д. 13. Л. 3 об., 50, 175, 260, 285.

³⁴⁵ Там же. Д. 12. Л. 162, 166, 192; Д. 13. Л. 111.

Кроме того через Упрособторг распределялись полученные Польским правительством от ЮНРРА рыбные и молочные консервы. Выдача осуществлялась в два этапа: непосредственно после получения Упрособторгом раздавалось 65 % консервов, а оставшиеся 35 % — при формировании эшелонов. Продукты первой очереди выдавались на местах через торгующие организации или через СПП. Продукты второй очереди выдавались на челябинском вокзале, а для снабжения магнитогорского эшелона были отправлены машиной на станцию Полетаево. Каждый выезжающий получал примерно по 7–10 банок консервов. Более того, на каждый эшелон выделялись дополнительные консервы для выдачи наиболее нуждающимся³⁴⁶.

Запас продовольствия брали с собой и сами репатрианты. К примеру, из Карталов везли мешки пшеницы, муки, картофеля, сухарей и других продуктов³⁴⁷.

По инструкции в пути следования репатрианты должны были раз в сутки получать на станциях обед из двух блюд. Пункты питания были заранее определены переселенческим управлением РСФСР и Советской делегацией, а начальник эшелона получал маршрутную книжку на горячее питание эшелона. Однако, по имеющимся сведениям, за весь путь репатрианты получали горячие обеды от одного до трёх раз. Зачастую станционные буфеты не реагировали на телеграммы с требованиями приготовить обеды, а также и сами репатрианты отказывались задерживаться для приёма пищи, предпочитая быстрее добраться на родину. В одном случае вместо горячего обеда удалось получить сухих продуктов и хлеба³⁴⁸.

³⁴⁶ Там же. Ф. Р-1038. Оп. 1. Д. 6. Л. 6; Д. 55.

³⁴⁷ Там же. Ф. Р-274. Оп. 20. Д. 12. Л. 350.

³⁴⁸ Там же. Л. 89, 142, 164, 169, 290; Д. 13. Л. 3 об., 259.

Иногда репатрианты получали горячее питание перед отъездом эшелона, на что специально выделялись фонды продовольствия, а также на станции прибытия на границе³⁴⁹.

Областное правление СПП выдавало заместителю начальника эшелона, назначавшемуся представителем польской делегации смешанной комиссии из числа польских граждан, несколько тысяч рублей для помощи нуждающимся репатриантам. В ходе пути эти деньги суммами по 25–200 рублей выдавались подававшим заявления нуждающимся, очевидно, для покупки продуктов на станциях. Судя по всему, уже через несколько дней пути запасы продовольствия у некоторых подходили к концу, и в отсутствии регулярного организованного питания, по крайней мере, некоторые переселенцы находились в тяжёлом положении³⁵⁰.

Иногда из этих же сумм в пути в организованном порядке руководство эшелона из числа польских граждан закупало где-нибудь на базаре молоко и яйца для раздачи детям³⁵¹.

Ещё одной проблемой было снабжение репатриантов промтоварами. В письме, адресованном секретарю обкома и горкома Н. С. Патоличеву, председателю облисполкома А. А. Белобородову и председателю горисполкома Беляеву 24 января 1946 г., Союз польских патриотов просил рекомендовать ОРСам предприятий обеспечить работающих у них польских граждан перед отъездом одеждой и обувью. Для тех же, кого не могли снабдить предприятия, просил выделить фонды для продажи промтоваров по государственным ценам³⁵².

³⁴⁹ Там же. Д. 12. Л. 85, 192; Д. 13. Л. 259.

³⁵⁰ Ex. gr.: AAN. ZPP. Sygn. 370. S. 1–4.

³⁵¹ Ibid. S. 189.

³⁵² ОГАЧО. Ф. Р-1038. Оп. 1. Д. 7; Д. 17. Л. 40, 41; Ф. Р-274. Оп. 20. Д. 12. Л. 228-229.

По-видимому, необходимые указания были даны. Так, при погрузке репатрианты снабжались мылом. Выезжающие вторым эшелоном из Миасса получили за счёт предприятий по 5 метров бязи, женщины — ботинки и калоши, а мужчины — хлопчатобумажные костюмы. На 1 082 человека четвёртого эшелона, полностью формировавшегося в Магнитогорске, ОРСами было выдано 400 пар обуви, 350 костюмов и 7 500 рублей, а по линии Облторготдела продано промтоваров на 25 000 рублей. На 55 репатриантов из Катав-Ивановского района пришлось 12 м трикотажа, 24 м кашемира, 130 м диагонали, 70 м шерстянки и 11 пар обуви³⁵³. Кроме того старшие вагонов получали от Упрособторга мыло и бритвенные лезвия³⁵⁴.

Всего распоряжениями облисполкома на проведение репатриации было выделено 68 000 рублей³⁵⁵. Из них, по данным областного Переселенческого отдела, на организационные мероприятия, транспорт для подвозки к станциям погрузки и единовременную помощь репатриантам было израсходовано 63 515 руб. Всего репатриантам продано по государственным ценам промтоваров на 212 000 рублей³⁵⁶. Ещё на 15 000 рублей было выдано промтоваров и продуктов на предприятиях и в районах³⁵⁷.

За следование репатриантов в пути отвечали начальники эшелона, назначаемые областной комиссией из работников областных учреждений. Так, ими были инспектор переселенческого отдела С. И. Сухарьков, инспектор гособеспечения И. Г. Подлубный³⁵⁸. Из числа репатриантов областным СПП назначался заместитель начальника эшелона. Ими, в

³⁵³ Там же. Ф. Р-274. Оп. 20, Д. 12, Л. 85, 266, 328; Д. 13. Л. 13, 111, 163, 221, 259.

³⁵⁴ Там же. Ф. Р-1038. Оп. 1. Д. 55.

³⁵⁵ Там же. Ф. Р-274. Оп. 3. Д. 1769. Л. 60; Д. 1770. Л. 150; Д. 1772. Л. 28.

³⁵⁶ Там же. Ф. Р-1142. Оп. 1. Д. 199. Л. 3.

³⁵⁷ ААН. ZPP. Sygn. 75. S. 48.

³⁵⁸ ОГАЧО. Ф. Р-1142. Оп. 2. Д. 18. Л. 15, 58; Ф. Р-274. Оп. 3. Д. 1764. Л. 75; Д. 1780. Л. 142; Оп. 20. Д. 12. Л. 286;

основном, становились деятели СПП, например, заместителем начальника четвёртого эшелона, формировавшегося в Магнитогорске, стал председатель городского правления СПП Б. Н. Леви. Из числа репатриантов назначались также старшие вагонов, которые были обязаны следить за сохранностью оборудования вагонов³⁵⁹.

Начальник эшелона должен был принимать меры к тому, чтобы поезд следовал согласно графику, а также добиваться от железнодорожной администрации снабжения его углём и свечами. И если добиваться продвижения эшелона удавалось, то с обеспечением углём и свечами были такие же сложности, как и с горячим питанием в пути³⁶⁰.

Все вагоны были украшены лозунгами на польском и русском языках и портретами вождей СССР и Польши. В Копейске вагоны были украшены белой жезью³⁶¹.

Даже в дороге активистами СПП проводились лекции и беседы, отмечали праздники. На каждый эшелон была назначена культурно-образовательная бригада и бригада артистов³⁶². По сообщениям начальников эшелонов, многие репатрианты выражали благодарность советскому правительству за заботу о них³⁶³.

Четыре эшелона следовали до Бреста, и три — до станции Медыка Львовской железной дороги (см. табл. 1). Среднее время в пути до границы составило чуть более 14 суток, при этом до Бреста поезда добирались, в основном, за 10–11 суток, а до Медыки — за 16, и только первый эшелон ехал до Бреста 20 суток. На границе эшелон стоял от одних до четырёх суток.

³⁵⁹ Там же. Ф. Р-274. Оп. 20. Д. 12. Л. 186.

³⁶⁰ Там же. Л. 169; Д. 13. Л. 3, 3 об., 9—11.

³⁶¹ AAN. ZPP. Sygn. 75. S. 47.

³⁶² AAN. ZPP. Sygn. 75. S. 49.

³⁶³ ОГАЧО. Ф. Р-274. Оп. 20. Д. 12. Л. 218; Д. 13. Л. 259.

Репатрианты должны были обменять рубли на злотые, сдать облигации и перегрузиться в польские вагоны. Начальник эшелона по акту сдавал репатриантов уполномоченному Смешанной комиссии по пограничной станции³⁶⁴.

Эшелоны с репатриантами должны были двигаться со скоростью не менее 450 км в сутки³⁶⁵. Однако в реальности они двигались гораздо медленнее, что можно подтвердить следующими расчётами: расстояние от Челябинска до Медыки составляло 3 666 км, соответственно второй, третий и седьмой эшелоны двигались со скоростью примерно 230 км в сутки, что немногим больше скорости движения эшелонов с эвакуированными в ноябре 1941 года³⁶⁶.

Таблица 1. Эшелоны с репатриантами из Челябинской области³⁶⁷.

№ п/п	Номер эшелона	Дата отправления	Пункт назначения	Начальник эшелона
1.	ПН-29	23 февраля 1946 г.	Брест	Сухарьков С. И.
2.	ПН-73	23 марта 1946 г.	Медыка	Подлубный И. Г.
3.	ПН-93	20 апреля 1946 г.	Медыка	Сухарьков С. И.
4.	ПН-172	13 мая 1946 г.	Брест	Подлубный И. Г.
5.	ПН-173	16 мая 1946 г.	Брест	Ковин И. А.
6.	ПН-174	25 мая 1946 г.	Брест	Сухарьков С. И.
7.	ПН-178	19 июня 1946 г.	Медыка	Сухарьков С. И.

³⁶⁴ Там же. Д. 12. Л. 48, 91, 94, 143, 146, 149, 155, 160, 161, 217; Д. 13. Л. 2, 3, 3 об., 50, 175, 215, 259, 260, 281, 285.

³⁶⁵ Там же. Д. 13. Л. 54.

³⁶⁶ ААН. PUR. Sygn. IX/83. S. 21; Потёмкина М. Н. Дорога в эвакуацию: опыт реконструкции железнодорожных перевозок населения в условиях Великой Отечественной войны // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 4, Ист. 2015. № 4. С. 110.

³⁶⁷ Составлено по данным: ОГАЧО. Ф. Р-274. Оп. 20. Д. 12. Л. 48, 91, 143, 146, 148, 149, 155, 160, 161, 184, 217; Д. 13. Л. 2, 259, 260.

В Польше эшелоны распределяло Главное управление по репатриации. Они направлялись на Возвращённые земли, с которых выселялись немцы. Так, третий и четвёртый эшелоны из Челябинской области прибывали в Щецин и его окрестности, при этом четвёртый эшелон пересекал Польшу целых семь дней³⁶⁸.

15 июля выехала последняя партия — по списку 18 человек, в том числе оставшиеся члены правления СПП³⁶⁹. Они ехали, судя по всему, обычным пассажирским поездом через Москву³⁷⁰.

По данным Переселенческого отдела облисполкома на 1 июля 1946 г. всего в семи эшелонах выехало 7 946 человек, из них 1 557 детей³⁷¹. Однако в годовом отчёте за 1946 год указано, что в эшелонах выехало 7 953 человек, и 15 июля ещё 16, то есть всего 7 969 человек³⁷². Более точной следует полагать сумму данных из отчётов и актов начальников эшелонов о количестве человек в каждом из них. Таким образом получается число 7 962 человека, а с учётом выехавших в июле — 7 980 человек³⁷³. Проверить и уточнить это число можно было бы путём составления поимённого списка репатриантов.

По данным СПП, в семи эшелонах выехало 7 944 репатриантов, в том числе 1 866 детей в возрасте до 18 лет. Из этого числа репатриантов поляков было 1 379 человек (17%), а евреев — 6 446 человек (81%). Около 2,5%, вероятно, приходится на другие национальности — членов семей репатриантов. В профессиональном отношении среди взрослых репатриантов

³⁶⁸ Archiwum Żydowskiego Instytutu Historycznego. Sygn. 303\VI. 54. S. 5.

³⁶⁹ ОГАЧО. Ф. Р-274. Оп. 20. Д. 12. Л. 292.

³⁷⁰ Воспоминания Я. Л. Мебеля. Личный архив К. В. Дружинина.

³⁷¹ ОГАЧО. Ф. Р-274. Оп. 20. Д. 12. Л. 184.

³⁷² Там же. Ф. Р-1142. Оп. 1. Д. 199. Л. 2.

³⁷³ Подсчитано по: ОГАЧО. Ф. Р-274. Оп. 20. Д. 12. Л. 91, 267; Д. 13. Л. 3, 50, 175, 215, 223, 259, 260, 265, 285, 292.

было 587 крестьян (9,5%), 1 781 квалифицированных рабочих (29%) и 361 представитель интеллигенции (6%). Большая часть (55%), по-видимому, относилась к неквалифицированным рабочим³⁷⁴.

После отъезда последнего эшелона в области оставалось около 20 человек, собирающихся выехать самостоятельно, в том числе 8 студентов, оканчивающих учебные заведения³⁷⁵.

Таким образом, подавляющее большинство из 8 025 человек, подтвердивших право на репатриацию, было отправлено организованным порядком. Остальные либо выехали самостоятельно, либо передумали уезжать (не взяли эвакуационные удостоверения или не явились на посадку), либо не смогли уехать по каким-то причинам³⁷⁶.

Так, остался в Челябинске заместитель главного бухгалтера театра оперетты И. П. Плоцкий³⁷⁷. Там же работал в 1947 году окончивший Варшавскую консерваторию скрипач Г. М. Черешня³⁷⁸. Иногда решение принималось в самый последний момент. Например, четыре человека из пятого эшелона уже на границе отказались ехать в Польшу³⁷⁹.

Областное правление Союза польских патриотов оценило итоги репатриации из Челябинской области положительно и вынесло благодарности областной комиссии и переселенческому отделу³⁸⁰.

В свою очередь, 7 членов областного и Челябинского городского правлений СПП в июне 1946 г. получили от Облисполкома медали «За

³⁷⁴ ААН. ZPP. Sygn. 75. S. 47.

³⁷⁵ ААН. ZPP. Sygn. 75. S. 48.

³⁷⁶ ОГАЧО. Ф. Р-1038. Оп. 1. Д. 55; Р-274. Оп. 20. Д. 12. Л. 248, 251, 267, 269.

³⁷⁷ Там же. Ф. Р-914. Оп. 4. Д. 3. Л. 34—39 об.; Д. 7. Л. 2.

³⁷⁸ Там же. Д. 1. Л. 1—2 об.

³⁷⁹ Там же. Ф. Р-274. Оп. 20. Д. 13. Л. 215.

³⁸⁰ Там же. Ф. Р-1142. Оп. 1. Д. 199. Л. 3.

доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», а вся работа СПП получила высокую оценку³⁸¹.

³⁸¹ AAN. ZPP. Sygn. 75. S. 50–51.

Заключение

Проведенное на основе разных источников исследование показывает довольно значительные колебания численности польских граждан на территории Челябинской области в 1939–1946 гг. Во второй половине 1940 года их насчитывалось около 14,5 тысяч человек. В дальнейшем их численность постоянно менялась, однако, по-видимому, до 1946 года не опускалась ниже 10 тысяч человек. Так, к 1942 году в связи с мобилизацией в строительные батальоны число польских граждан в области приближалось, вероятно, к 20 тысячам. Практически одновременно на численность польского населения влияли разнонаправленные факторы. С одной стороны, люди выезжали, бросив работу или по истечении годового контракта, покидали спецпосёлки после амнистии 1941 года, уезжали в польские армии Андерса и Берлинга. С другой стороны, бывшие польские граждане приезжали в Челябинскую область в эвакуацию, мобилизовывались в строительные батальоны и для работы в оборонной промышленности из других регионов Советского Союза, амнистированные из других регионов по дороге на юг порой оседали в Челябинской области.

Промышленный характер Челябинской области проявился в размещении польских граждан. Большая их часть проживала в городах и работала на оборонных заводах и стройках, а также была занята добычей полезных ископаемых. В качестве мест наибольшей концентрации польских граждан после 1942 года можно назвать, в первую очередь, Магнитогорск, Челябинск и Златоуст. Однако они работали и в других городах, в том числе на мелких предприятиях, а также в колхозах и совхозах по всей области.

Миграции польских граждан в Челябинскую область были вызваны событиями Второй мировой войны. Однако далеко не все из них можно назвать принудительными. В 1939–1940 годах большинство представляет

собой вынужденных мигрантов, добровольно завербовавшихся на работу на различные предприятия области. В годы Великой Отечественной войны возрастает роль мобилизаций в перемещении трудовых ресурсов, однако и в этот период наблюдается слабо контролируемый процесс свободного перемещения людей, особенно усиливающийся в связи с эвакуацией и амнистиями.

Траектории адаптации польских граждан были связаны с созданием польских структур и организаций разнообразного характера. Форма и содержание деятельности таких организаций значительным образом зависели от политических условий конкретно-исторического момента. Если на первом этапе, в 1939–1941 гг. это были производственные бригады или ячейки МОПР, призванные, в частности интегрировать коллективы мигрантов в советское общество, то в дальнейшем был взят курс на отдельные польские организации. Период краткого советско-польского сближения, связанного с общей борьбой против нацистской Германии, привёл к деятельности структур посольства Республики Польша. Несмотря на то что Челябинское представительство сумело наладить контакт с меньшинством польских граждан в области, уже гипотетическая возможность получить помощь от польского представительства выделял сообщество польских граждан из общей массы населения советского тыла.

После прекращения дипломатических отношений с польским эмигрантским правительством местные польские организации стали контролироваться Советским Союзом. Создание в 1943 году новых структур: Союза польских патриотов, Компольдета и Упрособторга позволило охватить постепенно так или иначе всех бывших польских граждан. Решение об увеличении числа польских детских учреждений дало возможность хотя бы части детей учиться на польском языке. Несмотря на ведомственную подчинённость новых организаций и их встроенность в советский управленческий аппарат, большую часть непосредственной работы в них

вели сами польские граждане. Степень самоорганизации особенно усилилась в конце рассматриваемого периода, в 1945–1946 гг., что несомненно было связано с освобождением Польши и подготовкой к репатриации. При этом Союз польских патриотов, оставаясь формально общественной организацией, получал фактически функции консульского органа.

Стратегии адаптации во многом были связаны с сохранением национальной идентичности. Можно отметить устойчивость общепольского патриотизма, несмотря на этническую разнородность мигрантов и наблюдаемые ассимиляционные процессы.

Репатриация польских граждан предстаёт организованным процессом, в котором участвуют переселенческий отдел и другие структуры облисполкома, а также местные власти и Южно-Уральская железная дорога. Но, главное, значительный вклад в нивелирование огрехов и вообще в проведение оптации и репатриации внесли сами польские граждане посредством Союза польских патриотов. Совместные усилия органов власти и польских граждан явились залогом успешного проведения репатриации. При этом репатрианты в рамках Союза польских патриотов показали высокий уровень самостоятельности, проявившийся, в частности, в сборе значительного репатриационного фонда.

Всё это даёт возможность квалифицировать польских граждан, разными путями оказавшихся в советском тылу, как особое активное меньшинство, способное к самоорганизации и использованию имеющихся каналов взаимодействия с советскими властями для решения собственных насущных проблем, включая сохранение национально-культурной самобытности. Это позволяет уже сейчас скорректировать сложившиеся историографические представления, хотя отдельные намеченные в работе аспекты заслуживают дальнейшего изучения.

Список источников

Материалы органов государственной власти и управления

1. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 644. Государственный комитет обороны СССР (ГКО). Оп. 1. Д. 3; Оп. 2. Д. 5.

2. Archiwum Instytutu Polskiego i Muzeum im. gen. Sikorskiego (IPMS). Podzespół A.7.307. Ambasada RP w Kujbyszewie, Opieka Społeczna. Sygn. A.7.307/9a, 9c.

Делопроизводственная документация органов управления

Объединённый государственный архив Челябинской области (ОГАЧО).

3. Ф. Р-220. Исполнительный комитет Челябинского городского Совета депутатов трудящихся. Оп. 13. Д. 19.

4. Ф. Р-274. Исполнительный комитет Челябинского областного Совета депутатов трудящихся. Оп. 3. Д. 1763, 1764, 1769, 1770, 1772, 1780, 1802. Оп. 20. Д. 8, 11, 12, 13, 14, 15.

5. Ф. Р-1038. Уполномоченный Министерства торговли СССР по снабжению эвакуированных поляков из западных областей Украины и Белоруссии по Челябинской, Курганской, Свердловской, Кустанайской областям и Башкирской АССР. Оп. 1. Д. 2, 5, 6, 8, 9, 10, 13, 17, 42, 55, 56. Оп. 2. Д. 1, 2, 4, 5, 7, 9.

6. Ф. Р-1142. Переселенческий отдел при Челябинском облисполкоме. Оп. 1. Д. 193, 199. Оп. 2. Д. 18.

7. Ф. Р-1535. Челябинский областной военный комиссариат. Оп. 1. Д. 59.

8. Архивный отдел администрации Увельского муниципального района (УА). Ф. 15. Исполнительный комитет Увельского районного Совета депутатов трудящихся. Оп. 1. Д. 49.

9. Archiwum Akt Nowych (AAN). Zespół Państwowy Urząd Repatriacyjny (PUR). Sygn. IX/83.

Делопроизводственная документация общественных организаций

ОГАЧО.

10. Ф. П-113. Копейский районный комитет Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Оп. 1. Д. 597-б, 597-д, 670.

11. Ф. П-234. Магнитогорский городской комитет Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Оп. 14. Д. 6, 17; Оп. 15. Д. 62; Оп. 18. Д. 71.

12. Ф. П-288. Челябинский областной комитет Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Оп. 3. Д. 154, 497, 506. Оп. 4. Д. 322. Оп. 6. Д. 333.

13. Ф. П-319. Саткинский районный комитет Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Оп. 16. Д. 3.

14. Ф. П-488. Челябинский городской комитет Всесоюзного Ленинского союза молодёжи. Оп. 3. Д. 38.

15. Ф. П-952. Челябинский областной комитет Международной организации помощи борцам революции. Оп. 1. Д. 60, 75, 86, 87, 102.

16. Archiwum Akt Nowych (AAN). Zespół Związek Patriotów Polskich (ZPP). Sygn. 73, 74, 75, 370, 492, 724, 726, 894, 896, 912, 914, 920, 921, 922.

17. Archiwum Żydowskiego Instytutu Historycznego. Zespół 303/VI. Centralny Komitet Żydów w Polsce. Wydział Repatriacji. Sygn. 54.

Следственные дела

18. ОГАЧО. Ф. Р-467. Управление Народного комиссариата внутренних дел по Челябинской области. Оп. 3. Д. 3969, 9282. Оп. 4. Д. 2731, 4165.

Документы промышленных предприятий и строительных организаций

19. Городской архив Магнитогорска (МА). Ф. 99. Магнитогорский металлургический комбинат. Оп. 10. Д. 344.

20. Архив ООО «Трест Магнитострой». Личное дело Шпинак Р. А.

Документы органов культуры и образования

21. ОГАЧО. Ф. Р-914. Челябинский театр оперетты. Оп. 4. Д. 1, 3, 7.

22. ОГАЧО. Ф. Р-1000. Отдел народного образования Челябинского облисполкома. Оп. 1. Д. 673. Оп. 2—л. Д. 254.

Документы личного происхождения

Опубликованные:

23. Bok J. Na Uralu: Pamiętnik robotnika polskiego w ZSRR 1940–1945. — Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1950. — 136 s.

24. Moszkowicz B. Na spotkanie rzeczywistości. Stockholm: Polonica, 1996. — 78 s.

25. Różański H. Śladem wspomnień i dokumentów (1943–1948). Warszawa: PWN, 1988. — 560 s.

26. Sternfeld G. Chocolate to Anzac Biscuits. Sydney: Sydney Jewish Museum, 2009. — 347 s.

27. Zabłudowska I. Peska // Biuletyn Reunion '68. Nr. 31, 2014. S. 10–12.

Неопубликованные:

28. Воспоминания Я. Л. Мебеля. Личный архив К. В. Дружинина.

Публицистика

29. Василевская В. Деятельность Союза польских патриотов в СССР // Славяне. — 1943. — № 11. — с. 26–27.

30. Вольпе Г. Библиотечка Союза польских патриотов в СССР // Славяне. — 1944. — № 3. — с. 48.

31. Вольпе Г. Польские учебники в СССР // Славяне. — 1944. — № 7. — с. 30–31.

32. Польские дети возвращаются на родину // Славяне. – 1946. – № 2–3. – с. 48.

33. Торжественный вечер в Москве, посвящённый завершению деятельности Союза польских патриотов в СССР // Славяне. – 1946. – № 8–9. – с. 44–45.

34. Юшкевич А. Два года деятельности Союза польских патриотов в СССР // Славяне. – 1945. – № 6. – с. 34–36.

Сборники документов:

35. Білас, І. Г. Репресивно-каральна система в Україні. 1917–1953 [Текст]: Суспільно-політичний та історико-правовий аналіз. Кн. 2. — Київ: Либідь — Військо України, 1994. — 688 с.

36. Документы и материалы по истории советско-польских отношений [Текст] / Редкол.: сов. ч. А. И. Хренов (отв. ред.) и др., польск. ч. Т. Цесляк (отв. ред.) и др. — т. 8. — М.: Наука, 1974. — 680 с.

37. Катынь. Март 1940 г. — сентябрь 2000 г. [Текст]: Расстрел. Судьбы живых. Эхо Катыни. Документы / Редкол.: Козлов В.П. (пред.), Лебедева Н.С. (отв. сост.) и др. (Рос. редкол.), Наленч Д. (пред.) и др. (Пол. редкол.); Сост.: Лебедева Н.С. и др. [Россия], Вошинский Б. и др. [Польша]. — М.: Весь мир, 2001. — 688 с.

38. Советский Союз — Народная Польша (1944–1974) [Текст]: Документы и материалы / Министерство иностранных дел СССР ; Министерство иностранных дел ПНР ; Ред. кол. : Н. Н. Родионов, С. Трепчиньский (рук.) и др. — М.: Политиздат, 1974. — 664 с.

39. Szkolnictwo polskie w ZSRR (1943 – 1947) [Tekst]: Dokumenty i materiały. — Warszawa, Państwowe Zakłady Wydawnictw Szkolnych, 1961. — 379 s.

Список литературы

Исследования и монографии

1. Андерсон, Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма [Текст]: монография / Б. Андерсон. — М.: Кучково поле, 2016. — 416 с.
2. Земсков, В. Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960 [Текст] / В. Н. Земсков; РАН, Ин-т рос. истории. — М.: Наука, 2005. — 306 с.
3. Калениченко, П. М. Польська прогресивна еміграція в СРСР в роки другої світової війни [Текст] / П. М. Калениченко. — Київ: Видавництво Академії наук Української РСР, 1957. — 216 с.
4. Парсаданова, В. С. Советско-польские отношения в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. [Текст] / В. С. Парсаданова. — М.: Наука, 1982. — 280 с.
5. Парсонс, Т. Система современных обществ [Текст] / Т. Парсонс. — М., 1998. — 270 с.
6. Пиримкулов, Ш. Д. Польские школы и детские учреждения в СССР (1941–1946 гг.) [Текст] / Ш. Д. Пиримкулов. — Ташкент: Изд-во «Фан» Узбекской ССР, 1990. — 164 с.
7. Поляки в Пермском крае [Текст]: Очерки истории и этнографии / Ред. А. В. Черных. — СПб.: Изд-во «Маматов», 2009. — 304 с.
8. Полян, П. М. Не по своей воле [Текст]: История и география принудительных миграций в СССР / П. М. Полян. — М.: О.Г.И-Мемориал, 2001. — 327 с.
9. Потёмкина, М. Н. Эвакопоселение в уральском тылу (1941–1948 гг.) [Текст] / М. Н. Потёмкина. — Магнитогорск: Изд-во МаГУ, 2006. — 265 с.
10. Репрессии против поляков и польских граждан [Текст] / Науч.-информ. и просвет. центр «Мемориал»; Сост. Гурьянов А.Э., Редкол.: Рогинский А.Б. (пред.) и др. — М.: Звенья, 1997. — 240 с.

11. Удмуртия в период Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.) [Текст] / [К. И. Куликов и др. ; отв. ред.: Г. В. Мерзлякова, Н. А. Родионов] ; Рос. акад. наук. Урал. отд-ние, Удмурт. науч.-исслед. ин-т истории, яз. и лит. — Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1996. — 305 с.
12. Фёдорова, А. В. Оренбург в годы Великой Отечественной войны [Текст] / А. В. Фёдорова. — Оренбург: Оренб. кн. изд-во, 1995. — 211 с.
13. Чевардин, А. В. Поляки и польские граждане в Свердловской области в 1939–1948 гг. [Текст] / А. В. Чевардин. — Екатеринбург, 2010. — 224 с.
14. Шишов, Н. И. В борьбе с фашизмом 1941–1945 гг. [Текст] (Интернациональная помощь СССР народам европейских стран) / Н. И. Шишов. — М.: Мысль, 1984. — 270 с.
15. Boćkowski, D. Czas nadziei [Tekst]: Obywatele Rzeczypospolitej Polskiej w ZSRR i opieka nad nimi placówek polskich w latach 1940–1943 / D. Boćkowski. — Warszawa: Wydawnictwo Neriton, 1999. — 500 s.
16. Boćkowski, D. Jak piskłeta z gniazd [Tekst]: Dzieci polskie w ZSRR w okresie II wojny światowej / D. Boćkowski. — Warszawa—Wrocław: Polskie Towarzystwo Ludoznawcze, 1995.
17. Czerniakiewicz, J. Repatriacja ludności polskiej z ZSRR: 1944–1948 [Tekst] / J. Czerniakiewicz. — Warszawa: Wyd. PWN, 1987.
18. Głowacki, A. Ocalić i repatriować [Tekst]: Opieka nad ludnością polską w głębi terytorium ZSRR (1943–1946) / A. Głowacki. — Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 1994. — 298 s.
19. Kowalczyk, E. Działalność Związku Patriotów Polskich na Wileńszczyźnie 1944–1946 [Tekst] / E. Kowalczyk. — Warszawa: Instytut Pamięci Narodowej, Oficyna Wydawnicza RYTM, 2010. — 384 s.
20. Trela, E. Edukacja dzieci polskich w Związku Radzieckim w latach 1941–1946 [Tekst] / E. Trela. — Warszawa: PWN, 1983.
21. Trela, E. Polskie placówki oświatowe i wychowawcze w Związku Radzieckim w latach 1943–1946 [Tekst]: liczebność i rozmieszczenie / E. Trela. — Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1981.

22. *Życie codzienne polskich zesłańców w ZSRR w latach 1940–1946* [Текст]: Studia / pod red. S. Ciesielskiego. — Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 1997.

Статьи

23. Гончаров, Г. А. Строительные организации Уральского региона в условиях военного времени (1941—1945 годы) [Текст] / Г. А. Гончаров // Вестник Челябинского государственного университета. История. — 2012. Вып. 50. — № 11 (256). — С. 51–55.

24. Грязнухина, М. Э. Польская школа в Якутске (1942–1944 гг.) [Текст] / М. Э. Грязнухина // Россия и Польша: Историко-культурные контакты (сибирский феномен): Материалы Международной научной конференции (24–25 июня 1999 г., Якутск). — Новосибирск: Наука, 2001. — С. 107–109.

25. Гурьянов, А. Э. Польские спецпереселенцы в СССР в 1940–1941 гг. [Текст] / А. Э. Гурьянов // Репрессии против поляков и польских граждан / Науч.-информ. и просвет. центр «Мемориал»; Сост. Гурьянов А. Э., Редкол.: Рогинский А. Б. (пред.) и др. — М.: Звенья, 1997. — С. 114–136.

26. Дьяконова, Н. Ю. Поляки в Чкаловской области (1939–1946) [Текст] / Н. Ю. Дьяконова // Оренбуржье и Польша: проблемы истории и культуры. Оренбург: Печатный Дом «Димур», 1996. — С. 60–63.

27. Дюков, А. Р. К вопросу о допустимости использования следственных показаний, полученных органами ОГПУ-НКВД [Текст] / А. Р. Дюков // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. — 2018. — № 3 (47). — С. 74–89.

28. Жангуттин, Б. О. Из истории поляков в Казахстане [Текст]: вторая половина 1940 годов XX в. / Б. О. Жангуттин // Вестник Казахского национального педагогического университета им. Абая. Серия «Исторические и социально-политические науки». — 2009. — № 1. — С. 90–96.

29. Крючков, И. В. Польские граждане на территории Ставропольского края в 1939–1946 годах [Текст] / И. В. Крючков, А. С. Мухортов // Славяноведение. — 2010. — № 3. — С. 20–28.
30. Куманёв, Г. А. Война и эвакуация в СССР. 1941–1942 годы [Текст] / Г. А. Куманёв // Новая и новейшая история. — 2006. — № 6. — С. 7–27.
31. Ложкина, И. А. Польские и литовские дети в детских домах Удмуртии в годы Великой Отечественной войны [Текст] / И. А. Ложкина // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». — 2009. — № 2. — С. 156–162.
32. Моргунов, К. А. Поляки в Чкаловской области в годы Великой Отечественной войны [Текст] / К. А. Моргунов // Народы Южного Урала на страже Родины. Материалы Второй Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 70-летию коренного перелома в Великой Отечественной войне (Сталинградской и Курской битв). — Оренбург: типография ФГБОУ ВПО «ОГИМ», 2013. — С. 344–354.
33. Палецких, Н. П. Поляки на Урале в годы Великой Отечественной войны [Текст] / Н. П. Палецких // К 50-летию Победы. — Челябинск, 1995. — С. 84–85.
34. Пиримкулов, Ш. Д. Трудовая деятельность и социальное обеспечение польских эмигрантов в СССР в 1943—1946 годах [Текст] / Ш. Д. Пиримкулов // Советское славяноведение. — 1978. — № 2. — С. 88–97.
35. Пискунов, С. А. Возвращение на родину [Текст]: Участие переселенческих органов РСФСР в репатриации польских и советских граждан в 1945–1946 гг. // Социум и власть. 2012. № 5. С. 109–113.
36. Потёмкина, М. Н. Дорога в эвакуацию [Текст]: опыт реконструкции железнодорожных перевозок населения в условиях Великой Отечественной войны / М. Н. Потёмкина // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 4, Ист. — 2015. — № 4. — С. 110.
37. Потёмкина, М. Н. Поляки в советском тылу в годы Великой Отечественной войны и их репатриация на родину [Текст] / М. Н. Потёмкина // Россия — Польша: филологический и историко-культурный дискурс:

сборник статей участников международной научной конференции. (Магнитогорск 18–19 ноября 2005 г.) Магнитогорск: МаГУ, 2005. — С. 115–119.

38. Потёмкина, М. Н. Эвакуация и национальные отношения в советском тылу в годы Великой Отечественной войны (на материалах Урала) [Текст] / М. Н. Потёмкина // Отечественная история. — № 3. 2002. — С. 148–156.

39. Родионов, Н. А. Интернационализм трудящихся Удмуртии в годы войны [Текст] / Н. А. Родионов // Советская Удмуртия в годы Великой Отечественной войны : сборник статей / Науч.-исслед. ин-т при Совете Министров Удмурт. АССР; [редкол.: С. П. Зубарев (отв. ред.) и др.]. — Устинов: Науч.-исслед. ин-т при Совете Министров УАССР, 1985. — С. 151–167.

40. Родионов, Н. А. Репатриация польских граждан из Удмуртии в сфере деятельности региональных и местных властей в 1920–40-е гг. [Текст] / Н. А. Родионов // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: материалы VIII Всероссийской научной конференции, [г. Екатеринбург], 27–28 апреля 2007 г. — Екатеринбург: АМБ, 2007. — Т. 2. — С. 203–205.

41. Родионов, Н. А. Ревэвакуация советских и иностранных граждан из Удмуртской АССР в 1943–1948 гг. [Текст] / Н. А. Родионов // Новые исследования по истории Удмуртии: сборник статей / АН СССР, Урал. отд-ние, Удмурт. ин-т истории, языка и лит.; редкол.: А. В. Яковлев (отв. ред.), Н. А. Родионов, Л. Ф. Шкляева. — Ижевск: Удмурт. ин-т истории, яз. и лит. УрО РАН, 1991. — С. 186–205.

42. Сануков, К. Н. Поляки и польские граждане в Марийской АССР в 1930–1940-х годах [Текст] / К. Н. Сануков // Запад-Восток. — 2012. — № 4–5. — С. 38–47.

43. Сивцева, С. И. Депортация поляков в Якутию в 1940-е годы (некоторые аспекты) [Текст] / С. И. Сивцева // Россия и Польша: Историко-культурные контакты (сибирский феномен): Материалы Международной научной конференции (24–25 июня 1999 г., Якутск). — Новосибирск: Наука, 2001. — С. 97–100.

44. Станковская, Г. Ф. «В связи с отъездом на родину...» [Текст]: Несколько документов из короткой истории «Союза польских патриотов» / Г. Ф. Станковская // Поляки Прикамья: сб. ст. / сост. В. Ф. Гладышев. Пермь: Пермское кн. изд-во, 2004. — С. 57–63.
45. Чевардин, А. В. Польская ссылка в Свердловской области в 1940–1941 гг. [Текст] / А. В. Чевардин // Документ. Архив. История. Современность. — Екатеринбург: УрГУ, 2006. — С. 82–96.
46. Чевардин, А. В. Судьба польских спецпереселенцев (1941–1943) в Уральском регионе [Текст] / А. В. Чевардин // Известия Уральского государственного университета. Серия 2 «Гуманитарные науки». — 2008. — № 55. — С. 226–233.
47. Чевардин, А. В. Уроженцы западных областей УССР и БССР в составе строительных батальонов на Урале в годы Великой Отечественной войны [Текст] / А. В. Чевардин // Вестник Челябинского государственного университета. История. — 2009. — Вып. 32. № 16 (154). — С. 74–76.
48. Boćkowski, D. Losy żydowskich uchodźców z centralnej i zachodniej Polski (bieżeńców) przebywających na terenie obwodu Białostockiego w latach 1939–1941 [Tekst] / D. Boćkowski // Studia Podlaskie. T. XVI. — Białystok: Wydawnictwo Uniwersytetu w Białymstoku, 2006. — S. 85–124.
49. Korzon, A. Losy darów z Zachodu dla Polaków w ZSRR po zerwaniu polsko-radzieckich stosunków dyplomatycznych w kwietniu 1943 r. [Tekst] / A. Korzon // Studia z Dziejów Rosji i Europy Środkowo-Wschodniej. T. 33. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe Semper, 1998. — S. 117–130.
50. Kość-Ryżko, K. Doświadczenie wywózki i życia na zesłaniu w relacjach Polaków wywiezionych z Kresów w latach 1940-1941 [Tekst] / K. Kość-Ryżko // Studia BAS. — Nr. 2. — 2013. — S. 25–49.
51. Machcewicz, M. „Przecież jutro wyjedziemy do kraju, do Polski“ [Tekst]: Życie codzienne polskich zesłańców na Syberii w latach 1940-1946 / M. Machcewicz // Zesłaniec. — Nr. 62. — 2015. — S. 3–25.
52. Marat, A. Śmierć na zsyłce [Tekst] / A. Marat // My, Sybiracy. — Nr. 17. — 2006. — S. 40—79.

53. Marciniak, W. Procedura zmiany obywatelstwa polskich zesłańców w głębi Związku Radzieckiego w 1945 r. [Текст] / W. Marciniak // *My, Sybiracy*. — Nr. 21. — 2010. — S. 7–21.

54. Zdybek, O. Macierzyństwo i rodzicielstwo na syberyjskim zesłaniu [Текст] / O. Zdybek // *Zesłaniec*. — Nr. 57. — 2013. — S. 41–58.

Диссертации и авторефераты диссертаций

55. Васильченко, Т. Е. Польские граждане на Европейском Севере СССР [Текст]: от депортации к амнистии и репатриации: 1939-1946 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Т. Е. Васильченко. — М., 2013. — 25 с.

56. Ложкина, И. А. Социальная защита детей-сирот в годы Великой Отечественной войны [Текст]: на материале детских домов и интернатов Удмуртской АССР: дис ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Ложкина Ирина Александровна; [Место защиты: Удмурт. гос. ун-т]. — Ижевск, 2010. — 240 с.

57. Пиримкулов, Ш. Д. Польское население в СССР. 1941–1946 гг. [Текст]: автореф. дисс. ... докт. ист. наук: 07.00.03 / Ш. Д. Пиримкулов. — М., 1990. — 46 с.

58. Рогачев, М. Б. Депортированные польские граждане в Коми АССР в 1940–1944 годах [Текст]: дис.... канд. ист. наук: 07.00.02 / М. Б. Рогачев. — Сыктывкар, 2005. — 204 с.

59. Сидорук, В. И. Пресса Союза польских патриотов в СССР (1943–1944 г.) [Текст]: дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.10 / В. И. Сидорук. — Львов, 1984. — 208 с.

60. Шпинева, Ю. И. Осуществление национальной государственной политики на Южном Урале в годы Великой Отечественной войны (1941 – 1945 годы) [Текст]: дис.... канд. ист. н.: спец. 07.00.02 / Ю. И. Шпинева. — Оренбург, 2004. — 258 с.

Электронные ресурсы

61. Жаравин, В. С. Представительство Польши в г. Кирове в годы Великой Отечественной войны [Электронный ресурс] / В. С. Жаравин. — Киров, 2008. — URL: <http://gaspiko.ru/3202> (дата обращения: 31.03.2019).
62. Жаравин, В. С. Трагедия польских евреев [Электронный ресурс] / В. С. Жаравин. — Киров, 2008. — URL: <http://gaspiko.ru/3078> (дата обращения: 31.03.2019).
63. Жаравин, В. С. Польские детские учреждения в Кировской области [Электронный ресурс] / В. С. Жаравин. — Киров, 2009. — URL: <http://gaspiko.ru/3212> (дата обращения: 31.03.2019).
64. Жаравин, В. С. Польская база в Кирове [Электронный ресурс] / В. С. Жаравин // «Позабыть нельзя»: Кировчане в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. (Хрестоматия). — Киров, 2010. — URL: <http://voyna.gaspiko.ru/blog/13.html> (дата обращения: 31.03.2019).
65. Жаравин, В. С. Поляки в Котельниче в годы Великой Отечественной войны [Электронный ресурс] / В. С. Жаравин // «Позабыть нельзя»: Кировчане в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. (Хрестоматия). — Киров, 2010. — URL: <http://voyna.gaspiko.ru/blog/15.html> (дата обращения: 31.03.2019).
66. Жаравин, В. С. Поляки в Опарино [Электронный ресурс] / В. С. Жаравин // «Позабыть нельзя»: Кировчане в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. (Хрестоматия). — Киров, 2010. — URL: <http://voyna.gaspiko.ru/blog/16.html> (дата обращения: 31.03.2019).

Список сокращений

- АССР — Автономная Советская Социалистическая Республика
- БССР — Белорусская Советская Социалистическая Республика
- ВКП(б) — Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)
- Главнефтесбыт — Главное управление по сбыту и транспорту нефти и нефтепродуктов
- Горисполком — исполнительный комитет городского Совета депутатов трудящихся
- Горком — городской комитет Всесоюзной коммунистической партии (большевиков)
- Горторготдел — Торговый отдел исполнительного комитета Совета народных депутатов города
- Компольдет — Комитет по делам польских детей в СССР при Наркомате просвещения РСФСР
- Комсод — комиссия содействия
- Наркомат — Народный комиссариат
- Наркомздрав — Народный комиссариат здравоохранения СССР
- Наркомпрос — Народный комиссариат просвещения РСФСР
- Наркомсвязь — Народный комиссариат связи СССР
- Наркомстрой — Народный комиссариат по строительству СССР
- Наркомторг — Народный комиссариат торговли СССР
- НКВД — Народный комиссариат внутренних дел СССР
- НКПС — Народный комиссариат путей сообщения СССР
- НКТ (Наркомторг) — Народный комиссариат торговли СССР
- Облоно — областной отдел народного образования
- Обком — областной комитет Всесоюзной коммунистической партии (большевиков)

Облисполком — исполнительный комитет областного Совета депутатов трудящихся

Облкомсод — областная комиссия содействия

Облпотребсоюз — Областной союз потребительских обществ

Облправление — областное правление

Облторг — областной торг

Облторготдел — Торговый отдел исполнительного комитета Совета народных депутатов области

ОВИР — отдел виз и регистрации иностранцев

ОРС — отдел рабочего снабжения

ОСБ — отдельный строительный батальон

ОСМЧ — особая строительно-монтажная часть

ПКНО — Польский комитет национального освобождения

Потребсоюз — союз потребительской кооперации

РСФСР — Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика

СБ — строительный батальон

СНК — Совет народных комиссаров

СПП — Союз польских патриотов

ССР — Советская Социалистическая Республика

СССР — Союз Советских Социалистических Республик

УНКВД — Управление Народного комиссариата внутренних дел

УНКГБ — Управление Народного комиссариата государственной безопасности

Упрособторг — управление по снабжению эвакуированных поляков

НКТ СССР

УССР — Украинская Советская Социалистическая Республика

УФСБ — Управление Федеральной службы безопасности Российской Федерации

Центросоюз — Центральный союз потребительских обществ

ЮНППА — (от UNRRA — United Nations Relief and Rehabilitation Administration) Администрация ООН по оказанию помощи и реабилитации

КОС — Komisja Opieki Społecznej — Комиссия общественной помощи (комиссия общественной опеки; комиссия социального обеспечения)